Анна Ларен

Позволь мне остаться

Анна Ларен

Позволь мне остаться

«Автор»
2026

Ларен А.

Позволь мне остаться / А. Ларен — «Автор», 2026

Однажды Кэролайн Уитмор попросила Роберта Эшфорда уйти. Теперь ей придётся самой искать его помощи.Она была счастлива в браке и решительно отвергла человека, полюбившего её вопреки здравому смыслу и приличиям. Роберт покинул Англию. Казалось, их история закончилась, едва успев начаться.Но после трагической гибели мужа Кэролайн находит черновик письма, который заставляет усомниться в обстоятельствах его смерти. След ведёт за море, к людям, умеющим хранить чужие тайны. И помочь ей может Роберт — дальний родственник покойного, опытный путешественник и мужчина, с которым она меньше всего хотела бы остаться наедине.

© Ларен А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая 5
Возвращение 5
Глава вторая 14
Дом Уитморов 14
Глава третья 20
Шарада 20
Глава четвёртая 25
Надежда 25
Глава пятая 30
Закрытая дверь 30
Глава шестая 36
Последний разговор 36
Глава седьмая 43
Обещанное возвращение 43
Глава восьмая 49
Чужая весть 49
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Анна Ларен
Позволь мне остаться

Глава первая

Возвращение

Англия, апрель 1826 года

Чарльз вышел на крыльцо прежде, чем экипаж остановился, и Роберт сразу узнал его по тому, как он сбежал по ступеням: чуть подавшись вперёд, словно опасался не успеть. Шесть лет назад он точно так же спешил навстречу, когда Роберт приезжал к его отцу. Тогда приходилось ещё выслушивать жалобы на медлительность учителей и смотреть лошадь, которую Чарльзу никак не позволяли купить.

Теперь учителей, надо полагать, не было, а лошадей можно было покупать сколько угодно.

– Наконец-то! – Чарльз ухватил его за руку, когда он ступил на дорожку. – Я уж решил, что ты опять передумал.

– На этот раз ты получил моё письмо.

– Твои письма ничего не доказывают. Ты обещал приехать ещё из Лиссабона.

– Я написал, что надеюсь приехать.

– Ты всегда находишь подходящее слово. Дай посмотреть на тебя.

Чарльз отступил, продолжая держать его за руку, и Роберт невольно улыбнулся. Родственник стал шире в плечах, лицо утратило прежнюю мальчишескую округлость, но выражение осталось знакомым. Он по-прежнему радовался, не считая нужным это скрывать.

– Ты почти не изменился, – сказал Роберт.

– Жена полагает, что мне недостаёт солидности. Но ты… Боже мой, тебя хоть кормят в тех краях?

– Регулярно.

– Тогда зачем ты так страшно похудел?

Роберт оглянулся на Джона, который стоял возле экипажа, дожидаясь, пока снимут дорожный сундук.

– Райт, вы слышали? Здесь считают, что меня морят голодом.

– Я прослежу, чтобы за ужином это обстоятельство было исправлено, сэр.

Чарльз рассмеялся и поздоровался с ним. Из дома вышел слуга, начались обычные расспросы о вещах, конюшне и комнатах. Роберт успел оглядеться.

Дом был невелик, но стоял удачно, немного выше дороги, за изгородью, сквозь которую просвечивала молодая зелень. Вдоль стены тянулись голые ещё ветви роз. На подоконнике одного из нижних окон теснились цветочные горшки; стекло над ними запотело. Роберт знал этот дом прежде, однако помнил преимущественно прохладные комнаты и запах полированной мебели. Сейчас входная дверь оставалась распахнутой, изнутри доносились шаги, кто-то передвигал что-то тяжёлое.

– Ты вовремя, – сказал Чарльз, подхватывая его под локоть. – Я хотел показать тебе кое-что до ужина.

– Сначала позволь мне умыться.

– Успеешь. Я велел приготовить твою прежнюю комнату. Надеюсь, ты не станешь уверять, что должен уехать завтра?

– Стану. В четверг у меня встреча в Лондоне.

– Но сегодня вторник.

– Именно поэтому я и приехал сегодня.

В передней пахло влажной землёй. На каменном полу возле скамьи остались небольшие следы, а на самой скамье лежала пара перчаток.

Чарльз поднял их.

– Кэролайн вернулась. Я думал, она ещё гуляет.

Роберт помнил письмо о свадьбе. Оно пришло с большим опозданием, когда он уже собирался покинуть порт, и ответить удалось только через несколько недель. В последующих письмах имя жены Чарльза возникало то рядом с известием о покупке земли, то в рассказе о визите соседей. «Кэролайн нашла», «Кэролайн говорит», «мы с Кэролайн решили». Роберт привык к этим упоминаниям, почти не пытаясь представить женщину, которая за время его отсутствия поселилась в доме родственника.

Дверь слева открылась.

– Чарльз, если ты ищешь свои бумаги…

Она остановилась, увидев гостя, и Роберт успел заметить, как её рука чуть крепче сжала сложенную шаль.

– Вот и мой пропавший родственник, – сказал Чарльз. – Роберт Эшфорд. Кэролайн, теперь ты сама можешь убедиться, что я его не выдумал.

– Я начинала сомневаться только в его намерении вернуться.

Она подошла, и Чарльз представил их друг другу.

Роберту прежде всего бросилась в глаза тонкость её черт. После дороги, ветра, шумных дворов, где меняли лошадей, она казалась принадлежавшей к особенно тихому и бережно устроенному миру. Каштановые волосы были убраны просто; возле виска выбилась короткая прядь. На щеке ещё держался румянец от прогулки, отчего голубые глаза выглядели ярче.

– Прошу простить мне опоздание на три года, миссис Уитмор, – сказал он. – Следовало поздравить вас лично гораздо раньше.

– Ваше письмо я получила. И подарок тоже. Очень красивый.

Он вспомнил небольшую шкатулку, которую отправил с оказией. Выбирал её впопыхах, полагаясь на собственное представление о том, что может понравиться молодой женщине.

– Я рад, что она добралась целой.

– Чарльз уверял меня, что вы непременно расскажете, как её добыли.

– Купил в лавке.

Кэролайн посмотрела на мужа.

– Вот видишь.

– Она мне не верила, – пояснил Чарльз. – По её мнению, все твои приобретения должны сопровождаться сражением.

– Это ты сказал, что прежде тебе прислали саблю.

– Её я тоже купил, – признался Роберт.

Кэролайн улыбнулась, и её лицо сразу стало менее строгим. Он понял, что принял за строгость обычную сдержанность с незнакомым человеком.

– В таком случае нам придётся довольствоваться ужином, – сказала она. – Надеюсь, дорога была не слишком утомительной?

– Вполне терпимой.

– Чарльз, дай мистеру Эшфорду отдохнуть. Ты уже держишь его в передней.

– Я собирался показать ему…

– Завтра утром.

Она произнесла это спокойно, взглянув на пыльный край его дорожного сюртука. Чарльз опустил глаза туда же и наконец выпустил локоть Роберта.

– Хорошо. Но до ужина всё-таки зайди ко мне.

Кэролайн взяла у мужа перчатки. Тот, не переставая говорить, расправил на её плече сползшую шаль, и она на мгновение прислонилась щекой к его руке. Жест был быстрым, почти незаметным. Оба, казалось, даже не подумали о присутствии гостя.

Роберт отвернулся к лестнице.

Он почему-то прежде представлял Чарльза женатым гораздо менее отчётливо.

* * *

В комнате действительно почти ничего не изменилось. Та же тяжёлая кровать, шкаф возле окна, кресло, в котором когда-то было неудобно сидеть и которое, по-видимому, никто

не решился выбросить. Зато огонь уже горел, на умывальнике стояла горячая вода, а с окна сняли выцветшую занавеску.

Роберт умылся, вытер лицо и задержал полотенце у затылка. После нескольких дней в Лондоне дорога показалась ему неожиданно утомительной. Там он вставал рано, успевал к одному человеку прежде, чем другой выходил из дома, разбирал письма, приехавшие ещё до него, и к вечеру обнаруживал, что так и не сделал половины намеченного.

За годы отсутствия накопилось множество мелких обязательств. Поверенный хотел видеть его лично. Нужно было завершить расчёты по последнему плаванию, решить, куда поместить привезённые книги, снять жильё, в котором нашлось бы место для этих книг и для него самого. Приятели, узнав о возвращении, тут же составили ему собственное расписание.

Чарльз по крайней мере просто обрадовался.

Джон раскрыл сундук и вынул чистую рубашку.

– На сколько дней распаковывать вещи, сэр?

– На два.

– Мистер Уитмор говорил о воскресенье.

– Он всегда говорит о воскресенье. В четверг мы возвращаемся.

Джон положил рубашку на спинку стула. Роберт заметил, что тот старательно обходит кресло.

– Что с ним?

– Пока не знаю, сэр.

– Ты на него сел?

– Попытался.

Роберт приподнял подушку. Под ней лежал деревянный обруч для вышивания с оставленной в ткани иглой.

– Отнеси миссис Уитмор. И скажи, что её имущество обнаружено до того, как причинило кому-нибудь вред.

– Я передам через камеристку.

Джон принял пяльцы с таким осторожным видом, что Роберт усмехнулся. Затем отодвинул кресло ближе к огню и наконец сел.

Из открытой щели окна тянуло прохладой. Внизу негромко стукнула калитка, послышался мужской голос. Роберт некоторое время слушал, не разбирая слов. Ему было хорошо в этой комнате, несмотря на кресло, тесный воротник и мысль о письмах, которые следовало написать вечером.

Когда он спустился, Чарльз стоял у окна кабинета с деревянной моделью судна в руках.

– Вот, – сказал он. – Ради этого я и хотел тебя задержать.

Роберт взял модель. Один из тонких канатов провис, маленькая рейка лежала на палубе. Он помнил, как помогал Чарльзу укреплять её много лет назад.

– Ты её сохранил.

– Она несколько лет провела в кладовой. Кэролайн нашла и велела привести в порядок. Здесь всё держится хуже, чем прежде. Я решил, что ты поправишь.

– Почему же ты сам не поправил?

– Боялся доломать.

Роберт положил модель на стол и осторожно проверил крепление.

– Нужны нитка и немного клея.

– Я распоряжусь.

Но Чарльз остался рядом, следя за его руками. Роберт поднял глаза.

– Ты хотел ещё о чём-то спросить?

– Да. Надолго ли ты в Англии?

– Не знаю.

– У тебя есть какие-нибудь обязательства за границей?

– Сейчас нет.

Чарльз облокотился о стол.

– Тогда побудь здесь. Ты можешь счесть это скучным советом, но мне кажется, тебе следует пожить дома. Не неделю и не месяц.

Роберт повертел в пальцах обломанную рейку. За последние дни он слышал это в разных выражениях, обычно вместе с вопросами о том, сколько сумел привезти денег и когда намерен жениться. Чарльз смотрел на него без любопытства.

– Я пока никуда не собираюсь, – ответил он.

– Хорошо. Это уже лучше, чем твои обычные обещания.

– Ты, судя по всему, доволен собственной жизнью.

Чарльз улыбнулся, поглядев на дверь.

– Очень.

Он сказал это так просто, что Роберту стало неловко за лёгкую насмешку, с которой был задан вопрос.

– Я рад за тебя.

– Ты ещё поблагодаришь меня за приглашение. Здесь хорошо.

Из передней донёсся звук колокольчика. Чарльз взял его за плечо и повёл к двери, оставив модель на столе.

* * *

За ужином Чарльз сначала расспрашивал о дороге, потом о Лондоне и почти сразу перешёл к морю. Он хотел знать, довелось ли Роберту попасть в настоящий шторм, видел ли он корабли, о которых когда-то читал, и по-прежнему ли предпочитает всем местам, где побывал, одно побережье, название которого Чарльз никак не мог вспомнить.

– Ты говоришь о трёх разных местах, – заметил Роберт.

– Вполне возможно. Ты пишешь так редко, что мне приходится запоминать всё сразу.

Кэролайн слушала, иногда задавая вопрос. Роберт понял, что она почти ничего не знает о морском деле, но не пытается этого скрыть. Уточнив одно слово, она запоминала его и больше не возвращалась к прежнему объяснению.

В какой-то момент Чарльз принялся рассказывать о двух неделях, которые провёл мальчиком на корабле под надзором Роберта. По его словам, молодой Эшфорд уже тогда отличался суровым нравом и заставлял всех трудиться с утра до ночи.

– Он велел мне драить палубу.

– После того как ты опрокинул ведро с краской.

– Я помогал.

– Ты стоял там, где было сказано не стоять.

Кэролайн прикрыла улыбку салфеткой. Чарльз заметил это и протянул к ней руку через угол стола.

– Ты обещала быть на моей стороне.

– Я не знала о краске.

Она коснулась его пальцев, и он убрал руку, довольный, словно получил необходимую поддержку. Роберт вернулся к еде.

Ему нравилось смотреть на них. В этом не было ничего похожего на старательное согласие, которое он иногда наблюдал между супругами. Они могли не соглашаться, поправлять друг друга и всё-таки оставались рядом с той непринуждённостью, которой не добьёшься хорошими манерами.

Когда речь зашла о Мадейре, Кэролайн спросила, долго ли Роберт пробыл на острове.

– В этот раз меньше месяца. Пришлось задержаться, пока чинили судно, на котором я собирался идти дальше.

– Вы досадовали?

– Первые два дня.

– А потом?

– Нашёл, чем заняться.

– Он всегда находит, – вставил Чарльз. – Потом выясняется, что ему пришлось забираться на гору или учить чужого матроса плавать.

– Матроса я не учил. Но на гору действительно поднялся.

Кэролайн попросила рассказать, и Роберт начал с дороги, по которой сперва решил проехать верхом. Он описал камни под ногами лошади, тесную тропу, упрямого проводника, который поначалу только качал головой на все вопросы. В конце концов пришлось спешиться. Чем выше они поднимались, тем прохладнее становилось; море то открывалось между склонами, то исчезало, и уже невозможно было понять, далеко ли остался город.

Чарльз перебил его вопросом о лошадях. Роберт ответил и продолжил. Кэролайн сидела чуть подавшись вперёд, забыв о лежавшей перед ней ложке.

– Когда вы дошли, море было видно? – спросила она.

– Нет. Наверху стоял туман.

– Как жаль.

– К вечеру он разошёлся. Но проводник не захотел ждать, и я отпустил его вниз.

– Вы остались один?

– Там был пастух. Он дал мне воды и показал, где можно укрыться от ветра. Утром мы спустились вместе.

Роберт собирался рассказать о том, как тот же пастух едва не потерял одну из коз, но заметил, что Кэролайн смотрит в окно. Темнота уже скрыла сад; в стекле отражались свечи и её лицо.

– Вы тоже предпочли бы подождать? – спросил он.

Она обернулась.

– Думаю, да. Было бы обидно подняться так высоко и сразу вернуться.

Чарльз вздохнул.

– Теперь ты понимаешь, почему я не могу обещать тебе короткой прогулки завтра?

– Если ты хочешь вернуться к определённому часу, мы вернёмся.

– Мне нужно ненадолго отлучиться к Мортону.

– Тогда скажи, когда.

Она спросила вполне серьёзно, готовая изменить свои планы, и Чарльз тут же принялся объяснять, что дело займёт не больше часа. Роберт слушал их и с удивлением припоминал своё первое впечатление. Он увидел тонкое лицо и решил, что перед ним женщина, для которой прогулка означает несколько кругов по саду. Кэролайн, кажется, была способна утомить его родственника гораздо раньше, чем устанет сама.

После ужина они перешли в гостиную. Чарльз достал карты, но отложил колоду, продолжая расспрашивать. Кэролайн устроилась у лампы с работой; пяльцы, обнаруженные Джоном, лежали возле неё.

– Энн передала мне ваше предупреждение, – сказала она Роберту. – Благодарю. Я забыла их, когда проверяла комнату.

– Райт обнаружил их раньше меня.

– Надеюсь, он не пострадал?

– Его достоинство, возможно, немного. Он не ожидал опасности со стороны кресла.

Она рассмеялась. Чарльз попросил объяснить причину, и Роберт рассказал о находке. Вскоре разговор перешёл к дому, который Кэролайн постепенно приводила в порядок. Она говорила о работе без жалоб, но Роберт понял, что удобство, замеченное им с порога, требовало гораздо больше забот, чем он представлял.

Прошло ещё около часа. Чарльз наконец раздал карты. Роберт играл рассеянно, пропустил очевидный ход и выслушал торжествующее замечание родственника. Кэролайн подняла на него глаза от работы, однако промолчала.

Он поймал себя на том, что ждёт её улыбки.

Мысль была настолько незначительной, что он почти сразу забыл о ней. Он просто устал с дороги и давно не проводил вечера в таком доме. Разговор, огонь, чужая работа рядом с лампой – всё это успокаивало сильнее, чем одиночество в лондонских комнатах.

Когда Кэролайн встала, Чарльз отложил карты и тоже поднялся.

– Уже уходишь?

– Ты обещал показать Роберту рисунки. Я оставлю вас ненадолго.

– Я принесу их сюда.

– Тогда я подожду.

Чарльз вышел. Кэролайн осталась стоять возле стола, собирая шёлковые нити в маленький мешочек. Одна зацепилась за край пялец. Роберт хотел помочь, но она сама освободила её и подняла голову.

– Вы действительно можете остаться только до четверга?

– Боюсь, что да.

– Тогда завтра я попрошу не занимать всё ваше утро. Чарльз очень хочет показать вам новую лошадь.

– Он уже говорил.

– И мельницу. И сад. В письме вы обещали ему два дня, а он составил планы на неделю.

– Посмотрим, сколько успеем.

– Он скучал по вам, мистер Эшфорд.

Роберт встретился с ней взглядом. Она сказала это тихо, без прежней улыбки, и он впервые почувствовал себя неловко за редкие письма, над которыми Чарльз весь вечер подшучивал.

– Я постараюсь больше не исчезать так надолго.

– Он будет рад.

В коридоре послышались шаги. Кэролайн обернулась ещё прежде, чем открылась дверь.

Чарльз вошёл с большой папкой под мышкой, придерживая несколько выскользнувших листов подбородком. Она поспешила к нему, забрала папку, а он остался с одним листом в руке и растерянно посмотрел на освободившуюся ладонь.

– Ты опять взял всё сразу, – сказала Кэролайн.

– Я боялся, что ты уйдёшь.

Она покачала головой и вернулась к лампе. Чарльз сел рядом с ней, раскрыл папку и позвал Роберта посмотреть первый рисунок.

Роберт подвинул кресло ближе.

На листе была изображена небольшая церковь. Ветка закрывала половину колокольни, под деревом стоял покосившийся забор. Роберт узнал место, хотя со времени последнего посещения успел забыть почти всё, кроме трудного поворота дороги возле кладбищенской стены.

– Ты всё ещё рисуешь, – сказал он.

– Временами. Посмотри, что получилось с деревом. Я никак не мог…

– Ему кажется, что оно слишком большое, – объяснила Кэролайн. – Но оно там действительно большое.

– От этого оно не обязано занимать весь лист.

Чарльз отыскал другой рисунок и положил рядом. На нём та же церковь была видна с противоположной стороны. Тени легли иначе; башня казалась выше, дорожка уходила за край бумаги. Роберт присмотрелся.

– Здесь лучше.

– Ты так считаешь?

– Здесь видно дорогу.

Чарльз кивнул и ещё раз взглянул на первый лист, теперь уже без раздражения. Кэролайн подавала ему рисунки по одному, придерживая остальные ладонью. Между двумя пейзажами оказался её портрет, едва намеченный карандашом. Роберт успел увидеть склонённую голову и кисть руки, лежавшую возле книги.

Чарльз потянулся убрать лист, но Кэролайн остановила его.

– Этот мне нравится.

– Он не закончен.

– Ты говорил, что я не умею сидеть спокойно. Здесь я хотя бы сижу.

– Потому что ты читала, пока я рисовал.

Она поправила уголок бумаги. Роберт посмотрел на портрет внимательнее. Художник не сумел передать сходство полностью, однако в повороте головы было что-то узнаваемое – то самое сосредоточенное внимание, с которым Кэролайн слушала за ужином. Он перевёл взгляд с рисунка на неё и обнаружил, что она ждёт его мнения.

– Очень похоже, – сказал он.

Чарльз посмотрел на рисунок внимательнее, словно хотел ещё раз проверить собственную работу.

– Ты оставишь его таким? – спросила Кэролайн.

– Если ты хочешь.

Она кивнула, и он положил портрет возле лампы, отдельно от остальных листов.

Когда наконец разошлись, Роберт поднялся в комнату и застал Джона за складыванием одежды. На столе лежала бумага; Джон поставил возле неё чернильницу и свечу.

– Вы собирались ответить мистеру Фостеру, сэр.

Роберт снял сюртук, сел и придвинул к себе бумагу. Поверенный назначил встречу на четверг, и менять её он не намеревался. Однако до отъезда можно было успеть гораздо больше, чем казалось утром.

– Узнайте, найдутся ли здесь тонкие нитки, – сказал он. – И немного клея. Я обещал кое-что починить.

– Сейчас, сэр?

– На утро.

Джон прикрыл дверь. Роберт написал дату и несколько строк, затем остановился, прислушиваясь. Внизу ещё разговаривали; до него донёсся смех Чарльза, следом – более тихий голос его жены. Слов было не разобрать.

Он обмакнул перо и вернулся к письму.

Глава вторая

Дом Уитморов

Проснувшись, Кэролайн некоторое время лежала неподвижно, слушая, как Чарльз ищет часы. Она знала, где они: под подушкой, с его стороны. Вечером он снял их, собираясь ещё немного поговорить, и уснул прежде, чем она успела ответить на вопрос.

– Если ты перевернёшь подушку, они найдутся, – сказала она.

Он остановился посреди комнаты.

– Я тебя разбудил?

– Почти нет.

Часы тихо звякнули. Через минуту прогнулся край постели.

– Сегодня я вернусь рано, – сказал Чарльз. – Мортон обещал отпустить меня к одиннадцати.

– Ты говоришь так, словно он держит тебя взаперти.

– Иногда мне кажется, что держит. Стоит спросить о чём-нибудь одном, и выясняется, что я ничего не знаю ещё о пяти вещах.

Она открыла глаза. Чарльз уже оделся, но шейный платок лежал у него на плече. Кэролайн взяла его за руку и потянула к себе. Он охотно наклонился.

– У тебя важные дела?

– Обычные. Нужно решить, на какое время продлить одно соглашение. Я обещал приехать, пока не явились остальные.

– Тогда иди. А то потом окажется, что это я тебя задержала.

Он поцеловал её, задержавшись чуть дольше, чем позволяли собственные сборы, затем выпрямился и поискал глазами платок. Она молча сняла его с его плеча.

Когда дверь закрылась, Кэролайн потянулась и встала. За окном было светло. На гравии ещё темнели влажные пятна, но верхушки деревьев уже шевелились в прозрачном утреннем воздухе. Ей хотелось выйти прежде, чем солнце высушит дорожки.

Энн принесла воду и платье.

– Голубое оставить на вечер, миссис Уитмор?

– Да. Сегодня я надеюсь обойти весь дальний луг.

– Тогда я приготовлю другие башмаки.

– Эти совсем не промокли.

Энн приподняла вчерашнюю пару и показала Кэролайн тёмный край подмётки. Та вздохнула и села к зеркалу.

– Хорошо. Но ты могла просто сказать.

– Я говорила вчера.

В зеркале встретились их взгляды. Кэролайн улыбнулась, и Энн, удовлетворённая, принялась укладывать её волосы.

Брук-Хаус стоял слишком близко к реке, чтобы весной можно было всюду ходить, не думая о сырости. Зато от дома расходились несколько троп, и одна поднималась на холм, откуда были видны крыши Гилфорда. Кэролайн любила эту дорогу. Иногда брала с собой Чарльза; чаще возвращалась за ним к месту, где он останавливался с альбомом. Он уверял, что не виноват, если деревья располагаются удачно.

Она вспомнила, что сегодня им предстояло идти с гостем, и попросила Энн положить на скамью ещё одну шаль. Мистер Эшфорд вряд ли нуждался в заботе о погоде, но Чарльз непременно забудет свою накидку, если решит, что день тёплый.

Внизу кто-то негромко постукивал.

Кэролайн заглянула в кабинет, намереваясь попросить слугу потише переставлять дрова, и обнаружила за столом Роберта. Перед ним стояла модель судна. Он придерживал мачту левой рукой, а правой затягивал узел. Сюртук лежал на спинке стула; рукава рубашки были отогнуты, чтобы не задевать тонкие снасти.

– Простите. Я не знала, что вы уже встали.

Он поднялся, осторожно выпустив нить.

– Надеюсь, я вас не разбудил.

– Нет, это сделал Чарльз.

Роберт потянулся к сюртуку. Она хотела сказать, чтобы он не утруждал себя, но промолчала: он уже надел его и подошёл к окну, оставив стол свободным.

При дневном свете его лицо казалось резче, чем вечером. Тёмные волосы были коротко подстрижены, на щеке возле скулы виднелся тонкий светлый след. Но стоило ему заговорить, как внимание Кэролайн снова привлекали глаза – тёмные, живые, гораздо менее суровые, чем можно было ожидать при первом взгляде. В нём чувствовалась сила, привычная ему самому и потому не нуждавшаяся в показе.

– Вы уже всё починили?

– Почти. Осталось укрепить это.

Она подошла к столу.

– Чарльз собирался отдать её мастеру, но всё никак не мог выбрать день.

– Здесь не нужен мастер. Просто немного терпения.

– У вас оно есть?

Роберт посмотрел на неё и усмехнулся.

– Для некоторых занятий.

Кэролайн наклонилась. Вместо одной провисшей нити теперь тянулись две ровные; обломанная рейка держалась на месте. Она спросила, для чего нужна маленькая перекладина, и он объяснил, повернув модель так, чтобы было видно крепление. На её следующий вопрос ответил уже подробнее.

Она слушала, пробуя понять, как при помощи всего этого можно заставить большое судно двигаться против ветра. Роберт взял лежавший на столе конверт, сложил его и показал направление. Через несколько минут Кэролайн поймала себя на том, что поворачивает модель вслед за его рукой.

– Значит, прямо туда оно всё-таки не пойдёт?

– Нет. Придётся выбирать другой ход.

– А Чарльз уверял, что вы умели уговорить любое судно.

– Чарльз слишком много обещает за меня.

– Это я уже заметила.

Он улыбнулся, и она подумала, что мужу будет приятно увидеть исправленную модель. Он редко просил кого-нибудь о таких мелочах, хотя сам помнил о чужих просьбах.

В дверях появился слуга: завтрак был готов. Кэролайн попросила его оставить в кабинете окно приоткрытым, чтобы выветрился запах клея, и повела гостя в столовую.

* * *

Мортон приехал прежде Чарльза.

Кэролайн услышала его голос в передней и вышла навстречу. Он стоял, снимая перчатки, с небольшим свёртком под мышкой. Его седоватые волосы были приглажены тщательнее обычного, а на рукаве осталась светлая пыль.

– Я привёз вам обещанную книгу, – сказал он. – И должен признаться, что страницы в середине оказались разрезаны. Не удержался.

– Тогда я потребую вашего мнения, когда прочту.

– Потребуйте. Только не сегодня. Чарльз уже полчаса объясняет моему управляющему, почему нельзя подписывать бумагу, если в ней осталось пустое место.

Кэролайн остановилась.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, нет. Обычная небрежность переписчика. Он собирался вписать сумму, а ваш муж справедливо потребовал вписать её прежде, чем поставит имя. Мне стыдно за беспорядок.

Он сказал это с такой добродушной досадой, что она успокоилась. Чарльз и дома мог возвращать счёт из-за непонятной строки, а затем полчаса оправдываться перед человеком, которому его вернул.

Роберт вошёл вслед за ней. Мужчины поздоровались, и Мортон заметил, что слышал о его возвращении.

– Надеюсь, на этот раз вы дадите родным привыкнуть к вашему присутствию.

– Я ещё не успел от них устать.

– Тогда начнём с этого.

Мортон прошёл в гостиную, но прежде попросил разрешения послать человека в деревню: жена садовника Уитморов ждала письма от сына, служившего в Лондоне, и оно случайно оказалось среди его корреспонденции. Кэролайн сразу вспомнила, как та спрашивала о почте накануне.

– Благодарю вас. Она будет рада.

– Я обещал напомнить ему писать чаще. Молодые люди иногда уверены, что мать обязана сама догадаться об их благополучии.

Кэролайн позвала слугу и велела передать письмо. Мортон, не садясь, подошёл к окну, спросил о пересаженных кустах и заметил, что нижнюю дорожку всё же придётся поднять: весной она так и будет мокнуть.

Он помнил множество вещей, о которых другие забывали после первого разговора. С ним было удобно советоваться. Иногда Кэролайн даже ловила себя на желании спросить его о том, с чем вполне могла справиться сама.

Когда вернулся Чарльз, Мортон уже собирался уезжать. Они обменялись несколькими словами о завтрашнем письме, затем старший мужчина простился, пожелав им хорошей прогулки. Чарльз проводил его до крыльца.

– Он считает, что я чрезмерно придирчив, – сказал он, вернувшись.

– Он сказал, что ты поступил справедливо.

– Мне он этого не сказал.

– Тогда хорошо, что я услышала.

Кэролайн поправила мужу отогнувшийся воротник. Он перехватил её руку, быстро поцеловал пальцы и спросил, куда они пойдут.

– К реке, а потом на холм, если вы не устанете.

– Мы? – Чарльз оглянулся на Роберта. – Ты слышал?

Роберт уже взял со стола шляпу.

– Услышал. Я готов.

* * *

За садом дорога ещё не просохла. Кэролайн выбрала узкую полосу травы вдоль изгороди, обернулась, чтобы предупредить спутников, и увидела, как Роберт уже обходит большую лужу с другой стороны. Чарльз шёл прямо посередине, рассматривая что-то в своём альбоме.

– Ты промочишь ноги, – сказала она.

Он остановился за шаг до воды.

– Действительно.

Роберт забрал у него альбом, закрыл и вернул. Чарльз с благодарностью сунул его под мышку. Кэролайн пришлось отвернуться, чтобы не рассмеяться: оба мужчины проделали это с серьёзностью давней привычки.

У реки они пошли медленнее. На другом берегу человек складывал обрезанные ветки; от его ударов по воде расходились мелкие круги. Кэролайн заметила прибившуюся к корням корзину и хотела сказать Чарльзу, но тот уже окликнул работника, спрашивая, чья она. Выяснилось, что корзину искали со вчерашнего дня. Роберт поддел её длинной веткой, подтянул к берегу, и они оставили находку на сухом месте.

Потом пришлось обойти участок размытой тропы. Чарльз ворчал, что прошлой осенью следовало настоять на починке водостока. Кэролайн напомнила, что он сам просил подождать до весны.

– Теперь весна, – сказал он.

– Поэтому завтра я пришлю сюда людей.

– Ты уже распорядилась?

– Только подумала.

Роберт выслушал это, глядя на широкую полосу мокрой земли. Затем спросил, куда уходит вода после сильного дождя, и Чарльз начал объяснять, показывая вдоль берега. Кэролайн отошла чуть вперёд. Мужчины нагнали её у поворота, продолжая обсуждать канаву.

На подъёме ветер стал ощутимее. Она ускорила шаг, желая согреться, и некоторое время слышала за спиной только скрип кожи и дыхание Чарльза. У старого вяза он остановился.

– Я обещал, что покажу тебе вид, – обратился он к Роберту. – Но, кажется, ты и сам его увидишь, если не станешь ждать меня.

Кэролайн вернулась.

– Мы можем посидеть.

– Я хочу набросать вот это. – Он кивнул на изгиб реки. – Дойдите до верха, я пока останусь здесь.

– Ты ведь замёрзнешь.

– Нет. Солнце уже вышло.

Она знала этот тон. Чарльз мог пройти ещё столько же и ни разу не пожаловаться, если бы наверху обещали что-нибудь интересное ему. Сейчас дерево и вода устраивали его вполне. Он устроился на поваленном стволе, достал карандаш и поднял голову.

– Только не уходите за ограду. Там плохо видно дорогу.

– Я здесь хожу каждую неделю, – напомнила Кэролайн.

– Тогда проследи за Робертом.

Тот коротко улыбнулся, и они пошли дальше. До вершины оставалось совсем немного. Когда Кэролайн оглянулась, муж уже склонился над альбомом.

Роберт шагал рядом, соразмеряя шаг с её шагом, но она не чувствовала, чтобы ему приходилось себя сдерживать. На последнем крутом участке ей стало жарко. Она ослабила шаль и только тогда поняла, что с утра ни разу не вспомнила о вчерашних башмаках. Энн оказалась права.

На вершине Роберт остановился и снял шляпу. Ветер шевельнул его волосы; он прищурился, рассматривая раскинувшиеся внизу поля.

Кэролайн подождала. После морей и гор этот вид, наверное, должен был показаться ему скромным, но он смотрел долго, переводя взгляд от деревьев к дороге и обратно.

– Вон там церковь, которую рисовал Чарльз, – сказала она.

– Я узнал. Прежде с этого места её не было видно.

– Срубили несколько деревьев возле мельницы.

Он кивнул.

– Я всё время замечаю, что здесь что-нибудь изменилось. В Лондоне это не удивляет. Здесь – почему-то да.

– Вы надеялись найти всё прежним?

– Не знаю. Наверное, ожидал, что знакомое место сразу окажется знакомым.

Кэролайн посмотрела на дом. Отсюда была видна только часть крыши, но она знала, где окна их комнаты и где садовая калитка. Ей трудно было представить, что однажды она вернётся и начнёт искать эти вещи по памяти.

– Мне понадобилось время, чтобы привыкнуть к Брук-Хаусу, – сказала она. – Первые недели я постоянно путала шкафы. И сердилась, потому что не могла найти собственную чашку.

– А теперь?

– Теперь Чарльз спрашивает у меня, где что лежит. Хотя он жил здесь задолго до меня.

Роберт улыбнулся.

– Это он умел и прежде.

– Но я тогда не знала.

Она рассказала, как в первый месяц после свадьбы они искали документы, которые Чарльз сам убрал в надёжное место. Роберт слушал с явным удовольствием, затем признался, что однажды родственник потерял письмо, оставленное в кармане сюртука на нём самом.

Кэролайн рассмеялась. Ей было приятно узнавать прежнего Чарльза через человека, который знал его в другом возрасте. Иногда муж рассказывал о детстве так, будто с ним происходило только самое забавное. Роберт помнил и неловкости, и упрямство, однако говорил о них без снисхождения.

Она спросила, кто встречал его в последний раз перед возвращением.

– На Мадейре я встретил старого знакомого, капитана Хардинга. Дальше часть пути прошли вместе. Он уверял, что вернуться в Англию стоит только ради хорошего сапожника.

– Неужели ему больше ничего не хотелось увидеть?

– Хардинг любит спорить. Если бы я согласился, он бы немедленно вспомнил что-нибудь другое. За две недели я успел проверить это несколько раз.

– Тогда вам было нескучно.

– Мне хотелось поскорее сойти на берег. Последние дни он доказывал, что я неправильно завязываю платок.

Кэролайн посмотрела на его воротник. Роберт заметил направление взгляда.

– Сегодня я воспользовался помощью Райта.

Она улыбнулась, но прежде, чем успела ответить, снизу окликнул Чарльз. Он уже складывал альбом и показывал рукой на дом.

Возвращались они другой тропой. Кэролайн сначала шла рядом с мужем, затем остановилась поправить шнурок и немного отстала. Чарльз тут же обернулся; она махнула ему, чтобы шёл дальше. Роберт поднял с земли выроненную ею перчатку и подождал, пока она выпрямится.

– Благодарю.

– Вам не холодно?

– Теперь нет.

Он отдал перчатку и отошёл, давая ей пройти. В его обращении не было той неловкой заботливости, с которой иные мужчины принимались помогать прежде, чем она успевала понять, требуется ли помощь. Кэролайн оценила это. Она любила, когда её спрашивали.

У дома Чарльз объявил, что проголодался, и велел подать что-нибудь пораньше. Пока они снимали верхнюю одежду, Роберт заглянул в кабинет и позвал его. Кэролайн подошла вслед за мужем.

Модель стояла на столе, выпрямленная и аккуратная. Чарльз провёл пальцем над тонкими нитями, не касаясь их, потом обнял Роберта за плечо.

– Я знал, что ты сумеешь.

Тот ответил что-то короткое, отвернувшись к окну. Кэролайн показалось, что искренняя благодарность смутила его гораздо сильнее, чем все вчерашние расспросы.

* * *

В четверг Роберт уехал после завтрака. Чарльз пытался задержать его ещё на день, но тот только напомнил о встрече и пообещал написать. Кэролайн вышла на крыльцо вместе с мужем. Ей было жаль, что приятный визит закончился так быстро.

Джон уже сидел возле вещей. Когда экипаж тронулся, Роберт приподнял шляпу. Чарльз махал ему вслед, пока дорога не скрылась за изгородью.

– Теперь понимаешь, почему я хотел, чтобы вы познакомились? – спросил он, возвращаясь в дом.

– Да. Мне было с ним интересно.

– Он прежде говорил меньше.

– Возможно, прежде ты не задавал столько вопросов.

Чарльз обернулся и протянул ей руку. Она взяла её, чуть ускорив шаг.

В передней стояла забытая накануне шаль. Кэролайн хотела отнести её наверх, но муж уже притянул её к себе и поцеловал в висок.

– Ты устала от нас вчера?

– От вас обоих? Совсем нет.

– Хорошо. Я собираюсь пригласить его ещё раз.

– Пригласи.

Она высвободилась, чтобы поднять шаль, и оглянулась на кабинет. Модель судна осталась возле окна; Чарльз пообещал заказать для неё стеклянный колпак. Ей захотелось передвинуть её подальше от солнца, прежде чем снова поблекнет краска.

Глава третья

Шарада

Встреча с Фостером затянулась почти до вечера. Когда Роберт вышел, ему показалось, что он провёл в кабинете несколько дней. Вопросы, прежде казавшиеся простыми, обросли бумагами: у каждой суммы было своё происхождение, у каждого решения – человек, которого следовало уведомить. Он подписал последнее письмо и попросил прислать остальное на следующий день.

– Теперь, по крайней мере, вас можно найти, – сказал Фостер, провожая его.

Роберт посмотрел на стопку ещё не разобранных дел и решил, что преимуществом следовало пользоваться осторожнее.

В снятых комнатах пахло новым деревом. Джон договорился заменить полку, которая не выдержала привезённых книг, и теперь два рабочих прибивали её к стене. Сундуки стояли посреди комнаты. Письмо Чарльза лежало возле лампы, придавленное маленьким камнем, поднятым Робертом на каком-то берегу и с тех пор путешествовавшим вместе с письменными принадлежностями.

Чарльз сообщал, что модель поставлена под стекло, нижняя дорожка больше не тонет в воде, а Роберту следует приехать, пока не ушёл его первый опыт терпимости к английской погоде. Внизу другим почерком была приписана просьба вернуть книгу, которую он случайно увёз вместе со своими.

Роберт нашёл книгу в сундуке. Между страницами лежал листок с перечнем растений. Он узнал ровные буквы и вспомнил, как Кэролайн поправила отогнувшийся край страницы прежде, чем отдала ему том.

Он не подумал тогда вернуть его сразу.

Роберт сел и написал, что приедет в конце недели. Потом велел Джону отправить книгу с посыльным, но, уже передавая её, передумал.

– Возьму с собой.

Джон положил том на свободную полку.

* * *

В мае Уитморы несколько дней провели в Лондоне. Чарльз хотел показать жене выставку и попросил Роберта составить им компанию. Они встретились у входа; Кэролайн стояла рядом с мужем, придерживая шляпу, которую подхватывал ветер. Увидев Роберта, она чуть приподняла подбородок, чтобы рассмотреть его из-под полей, и улыбнулась.

Он обрадовался так быстро, что не успел скрыть этого за обычным приветствием.

На выставке Чарльз исчезал от них возле каждого второго полотна. Роберт терпеливо ждал, затем оказывалось, что Кэролайн ушла к следующей стене. Он находил её там, она задавала вопрос, и разговор продолжался с места, на котором прервался.

Возле морского пейзажа они поспорили. Ей нравился цвет воды; ему казалось, что судно поставлено так, будто художник желал погубить его прежде, чем оно выйдет из рамы.

– Вы могли бы не замечать этого хотя бы минуту, – сказала Кэролайн.

– Уже пробовал.

– И не удалось?

– Теперь я вижу, что у него ещё и парус закреплён неверно.

Она рассмеялась, однако осталась перед картиной. Роберт посмотрел ещё раз, стараясь увидеть то, что нравилось ей: полосу света у берега, тяжёлую волну, тёмную тень под бортом.

– Свет хорош, – признал он.

Кэролайн повернулась к нему с довольным видом, словно он уступил ей гораздо больше.

Чарльз нашёл их там же и объявил, что пора обедать. Он взял жену под руку, спросил, не устала ли она, затем обернулся к Роберту. Тот задержался на шаг, ещё глядя на картину.

За обедом Кэролайн рассказывала мужу о споре, и Роберт поймал себя на желании возразить только ради того, чтобы снова увидеть эту оживлённость. Он всё же промолчал. Чарльз слушал её, улыбаясь, и время от времени поправлял скатерть, за которую она задевала рукавом.

Вечером, оставшись один, Роберт вспомнил прежде всего её голос.

После этого ему стало трудно не замечать, как часто он думает об Уитморах.

Сначала находились разумные причины. Чарльз просил узнать о лошади, Мортон приглашал отобедать с несколькими знакомыми, в Брук-Хаусе оставалась книга. Потом книга была возвращена, вопрос о лошади решён, а Роберт всё равно ловил себя на расчётах: сколько займёт дорога, в какой день супруги бывают дома, не застанет ли он гостей.

Он начал отказываться.

Один раз действительно был занят. В другой сказал, что занят, и провёл вечер, разбирая бумаги, которые вполне могли подождать. Чарльз прислал короткую записку с вопросом, не заболел ли он. Роберт ответил слишком поспешно и потом долго смотрел на оставшуюся половину листа.

Он знал, как выглядит женщина, которой нравится мужчина. По крайней мере, прежде полагал, что знает. Но теперь каждое воспоминание о Кэролайн требовало от него неприятной точности. Она была приветлива. Ей нравились его рассказы. Иногда она спорила, иногда смеялась. С Чарльзом она говорила иначе, касалась его иначе и могла просто сидеть рядом, ничего не делая, а он уже замечал, что ей холодно.

Роберт понимал всё это.

В июне он почти убедил себя принять предложение о новой поездке. Дело было хорошее, люди знакомые, отплытие можно было устроить к концу лета. Он обсудил условия и попросил несколько недель на окончательное решение. Джон выслушал распоряжение проверить дорожные вещи без удивления.

Но стоило прийти письму из Брук-Хауса, как Роберт снова начал искать объяснение, почему один визит ничего не изменит.

* * *

В начале августа Чарльз пригласил его на небольшой вечер. Приезжали соседи, и Кэролайн просила непременно быть: одна из дам утверждала, что знала его ещё мальчиком, чему Роберт должен был либо подтвердить, либо решительно воспротивиться.

Он прочёл приглашение дважды. Потом ответил, что приедет.

До Брук-Хауса добрался позднее, чем намеревался. День был душный, дорога пылила; Роберт уже успел рассердиться на себя за то, что придал времени приезда такое значение. Когда он вошёл, в гостиной было шумно. У окна спорили о книге, на диване две женщины рассматривали рисунок, Чарльз пытался достать из-под кресла укатившуюся катушку.

Кэролайн обернулась на его имя.

– Вы всё-таки приехали.

– Я обещал.

– Чарльз решил, что вы испугались воспоминаний миссис Хэмптон.

– Только их неточности.

Она подвела его к пожилой даме, которая немедленно сообщила, что помнит его гораздо меньше ростом. Роберт согласился с неоспоримым утверждением и сел рядом. Несколько минут пришлось отвечать на вопросы о покойных знакомых и дальних родственниках. Он слушал внимательно, но всё время замечал, где находится Кэролайн: как она переходит от одной группы к другой, останавливается возле мужа, поправляет положение лампы, чтобы свет не бил гостье в глаза.

Он слишком хорошо знал этот дом, чтобы оправдывать своё внимание любопытством.

За ужином Кэролайн сидела далеко. Роберт разговаривал с соседом, почти не слыша собственных ответов. В какой-то момент Чарльз окликнул его через стол с вопросом о морской дороге, и пришлось повторить короткую историю, которую супруги уже слышали. Кэролайн подняла глаза. Он умышленно изменил одну незначительную подробность, ожидая, что она заметит. Она заметила: улыбнулась и чуть покачала головой.

Ему стало стыдно за это маленькое ухищрение.

После ужина он вышел на несколько минут в сад. Жара спала; трава возле стены ещё хранила тепло. Из раскрытого окна слышались голоса. Роберт прошёл до калитки, остановился и серьёзно подумал, не велеть ли подать экипаж.

Он мог сослаться на головную боль. На дело. На что угодно, что объяснило бы его отъезд без дополнительных вопросов. Утром написал бы Чарльзу, извинился. Через неделю подтвердил бы поездку. Всё было просто, пока он стоял здесь один.

Потом из гостиной позвали его: миссис Хэмптон требовала помощи против молодого человека, уверявшего, что никто из присутствующих не умеет загадывать шарады.

Роберт вернулся.

Чарльз уже убирал карты со стола. Одна из девушек принесла бумагу, другая объявила, что прежние загадки слишком известны и потому придётся сочинять новые. Кэролайн села возле лампы, взяла перо и спросила, кому достанется право первого ответа.

– Тому, кто сумеет, – сказала миссис Хэмптон. – Иначе мы будем сидеть до утра.

Игра началась с нескольких загадок, ответы на которые называли почти прежде, чем заканчивали чтение. Затем молодой мистер Эллис предложил собственную шараду. Он так старательно запутал части слова, что забыл объяснить целое. Все спорили; Чарльз предлагал ответы, которые становились всё менее правдоподобными, и Кэролайн смеялась, пытаясь разобрать торопливые строки.

Роберт сел немного в стороне. Ему нравилось смотреть на неё, и он позволил себе эту слабость хотя бы на несколько минут, не вступая в разговор.

Когда дошла очередь до Кэролайн, она прежде всего перечитала написанное про себя и нахмурилась.

– Боюсь, я сделала слишком легко.

– Тогда это будет полезный отдых, – сказал Чарльз.

Она начала читать. Первая часть слова давала возможность увидеть дорогу, вторая обещала укрытие, а целое, стоя вдали, помогало добраться домой. Миссис Хэмптон немедленно предложила фонарь. Эллис возразил, что фонарь нельзя разделить указанным образом. Чарльз сказал, что лично ему для возвращения домой вполне достаточно гостеприимного соседа.

Кэролайн попыталась объяснить иначе, но только запутала всех: теперь речь шла о свете, который мог означать и надежду на хороший ужин. Посыпались возражения. Она повернулась к мужу, смеясь, и попросила хотя бы его быть серьёзным.

Роберт услышал начало её последней фразы и вдруг вспомнил морской пейзаж, возле которого они спорили в Лондоне. Маленькая башня на берегу почти терялась в светлой полосе. Кэролайн тогда указала на неё, объясняя, почему ей нравится картина.

– Маяк, – сказал он.

Она сразу повернулась к нему.

– Именно! Я уже подумала, что всё написала неверно.

– Он обязан был догадаться, – объявил Чарльз. – Нужно было запретить ему отвечать на морские вопросы.

Кэролайн засмеялась и на мгновение встретилась с Робертом взглядом. В её лице было открытое удовольствие от того, что он понял её объяснение прежде остальных.

– Вот видите, мистер Эшфорд, мы с вами прекрасно понимаем друг друга.

Она протянула ему листок, чтобы он подтвердил правильность загадки, и тут же наклонилась к миссис Хэмптон, желавшей сочинить ответную. Чарльз потребовал ещё бумаги. Кто-то уронил перо.

Роберт держал листок, почти не глядя на строки.

Ему следовало положить его на стол. Вместо этого он прочёл написанное ещё раз, заметил маленькую поправку над словом и провёл большим пальцем по краю бумаги. Чернила в одном месте расплылись. Кэролайн, должно быть, слишком быстро сложила листок.

– Я верно объяснила? – спросила она, снова обернувшись к нему.

– Да.

Она кивнула и забрала бумагу, потому что миссис Хэмптон хотела сохранить загадку. Всё было просто: игра, несколько слов, улыбка. Роберт видел, как Кэролайн уже слушает другой вопрос. Однако ощущение внезапной близости оставалось, будто она заговорила с ним отдельно, посреди общего шума.

Он заставил себя присоединиться к разговору.

Следующая загадка оказалась неудачной. Чарльз сам признал это прежде, чем успел дочитать, и смял лист. Миссис Хэмптон объявила, что они все нуждаются в отдыхе. Подали напитки. Люди пересаживались, и Роберт оказался возле дивана, на котором сидела Кэролайн.

Она спросила о книге, обещанной одной из гостий. Он ответил, назвал лавку, где её можно найти, потом вдруг обнаружил, что рассказывает гораздо подробнее, чем требуется. Кэролайн внимательно слушала, не перебивая. Он замолчал, когда понял, что помнит цвет маленькой нитки, зацепившейся за кружево её рукава, лучше, чем собственную последнюю фразу.

– Я переговорю с Чарльзом, – сказала она. – Он собирается в Лондон на будущей неделе. Возможно, поищет её.

Имя мужа вернуло разговору обычный смысл. Роберт взял со стола стакан и отступил, чтобы пропустить слугу.

Ничего не произошло. Она обращалась с ним так же, как прежде, с тем же спокойным доверием. Но ведь, думал он, иначе и быть не могло. Что она могла сказать при гостях? Каким образом вообще можно дать понять подобное чувство, если каждый день живёшь рядом с человеком, которому обещана верность?

Эта мысль испугала его своей готовностью. Ему не понадобилось придумывать оправдание: оно уже было, как будто давно ждало подходящего случая.

Чарльз подошёл к ним и предложил на следующее утро посмотреть молодую лошадь у соседа. Роберт согласился, не спросив, во сколько они выедут. Кэролайн напомнила мужу о письме, которое следовало взять с собой. Тот пообещал не забыть, затем попросил её положить его возле перчаток.

Она улыбнулась ему и поднялась проводить миссис Хэмптон.

Роберт смотрел ей вслед. Он видел, как непринуждённо она принимает помощь мужа, и всё же слова, сказанные во время игры, продолжали звучать с той ясностью, с какой помнят обещание.

* * *

Поздно вечером Чарльз застал его в кабинете. Роберт стоял возле старой модели судна, но не смотрел на неё.

– Ты не устал? – спросил хозяин.

– Нет.

– Я боялся, что вечер будет тебе скучен.

– С чего бы?

Чарльз пожал плечами.

– Здесь всё давно знакомо. Одни и те же люди, одни разговоры. Мне это нравится, но ты привык к другому.

Роберт повернулся. Он вдруг вспомнил, что когда-то уговаривал Чарльза отправиться с ним хотя бы на несколько месяцев. Родственник колебался, потом признался, что не хочет оставлять отца. Роберт счёл это недостаточной причиной. Теперь отца уже не было, а Чарльз всё равно оставался – и, судя по всему, находил здесь больше, чем находил Роберт за многие годы дороги.

– Мне было хорошо, – сказал он.

– Приезжай чаще.

Роберт не ответил сразу. Чарльз, не заметив паузы, подошёл к шкафу за свечой.

– Кэролайн говорит, что ты умеешь рассказывать так, что ей хочется увидеть описанное. Я ей обещал поездку, но пока получается только Лондон. Может быть, осенью выберемся на побережье. Она любит море, хотя видела его совсем мало.

– Ей понравится, – ответил Роберт.

Он произнёс это уверенно, словно имел право судить о её желаниях. Чарльз с удовольствием кивнул.

– Я тоже так думаю.

Они поднялись наверх вместе. В коридоре горела лампа, под дверью комнаты хозяев виднелась полоска света. Чарльз пожелал доброй ночи и открыл дверь. Роберт услышал голос Кэролайн, потом негромкий ответ мужа. Дверь закрылась.

У себя он долго не зажигал свечу.

Из сада тянуло прохладой. На столе стоял кувшин, рядом лежала книга, которую он привёз и так и не открыл. Роберт налил воды, выпил, поставил стакан слишком резко. Ему хотелось пройтись, выйти из дома, чтобы не слышать ни шагов, ни далёкого скрипа пола.

Он знал, что Чарльз доверяет ему. Видел, что Кэролайн любит мужа. Ничего из этого не исчезло от нескольких весёлых слов.

И всё же он впервые позволил себе подумать, что её чувство могло измениться, не уничтожив привычной привязанности. Она сама могла ещё не понимать происходящего. Он помнил, как долго пытался называть собственное желание дружеским интересом, и теперь переносил эту медлительность на неё.

Если она чувствует хотя бы часть того, что чувствует он, ей предстоит тяжёлый выбор. Роберт сел, опустив локти на колени. Ему не нравился путь, который открывала эта надежда. Впереди были Чарльз, родные, объяснения, унижение, невозможность вернуться к прежним отношениям. Никакой поездкой этого не отменить.

Но от мысли о том, что Кэролайн могла бы однажды остаться с ним, ему стало трудно дышать.

Он поднялся, зажёг свечу и раскрыл письмо с предложением нового плавания. Срок ответа приближался. Ещё утром он собирался написать согласие, окончательно определить день и занять себя приготовлениями.

Теперь он достал чистый лист, начал ответ и остановился.

За окном стих ветер. Роберт перечитал написанное, зачеркнул первую строку и попросил дать ему ещё немного времени.

Глава четвёртая

Надежда

В Лондоне Роберт первым делом отправился к Фостеру. Он уже бывал у него дважды за неделю и потому, едва переступив порог, увидел на лице поверенного осторожный вопрос.

– Пропала ещё одна бумага? – спросил тот.

– Нет. Мне нужно кое-что узнать.

Фостер отложил перо.

Роберт заранее продумал, как начнёт разговор. Собирался сослаться на чужую историю, услышанную за границей, на спор, в котором не сумел отстоять своё мнение. Но, сев напротив старшего мужчины, обнаружил, что выдуманная причина требует слишком многих лишних слов.

– Если супруги хотят расстаться, – сказал он, – что позволяет одному из них снова вступить в брак?

Фостер некоторое время смотрел на него.

– Вы спрашиваете о действующем английском браке?

– Да.

– Тогда простого соглашения между ними недостаточно.

Роберт знал это, но всё же почувствовал досаду, будто услышал неожиданную трудность. Он попросил объяснить подробнее.

Фостер говорил спокойно, без лишнего любопытства. Раздельная жизнь могла быть устроена различным образом, однако не освобождала от прежнего брака. Полное его расторжение с правом нового замужества требовало особого парламентского акта. Согласия двух людей само по себе не хватало. За этим стояли основания, свидетельства, публичное разбирательство, расходы. Поверенный не предлагал способов обойти эти препятствия.

– Следует понимать, чего именно хочет каждый из участников, – закончил он. – И насколько представляет последствия.

– Разумеется.

Роберт ответил резче, чем намеревался. Фостер опустил глаза к лежавшей перед ним бумаге и не стал продолжать.

У двери Роберт остановился.

– Я прошу вас пока считать этот разговор частным.

– Все наши разговоры частные, мистер Эшфорд.

Он вышел с неприятным чувством, что единственный человек, которому задал вопрос, понял больше, чем было сказано. Однако то, что Фостер мог о нём подумать, уже не имело большого значения.

Дома Роберт достал карту. Она была потёрта на сгибах, в нескольких местах карандашом отмечены расстояния. Он провёл пальцем вдоль берега, у которого когда-то задержался на несколько месяцев. Там можно было жить. Он знал людей, с которыми сумел бы работать, знал, где получить деньги за свою долю, кому написать, чтобы снять дом до приезда.

В памяти возникла широкая галерея, выходившая в сад. В жаркие дни там двигали стол ближе к двери; вечером становилось прохладнее, и слышно было воду. Роберт подумал, что Кэролайн понравились бы длинные дороги за городом. Она жаловалась, что весной у реки трудно ходить. Там после дождей тоже бывало грязно. Следовало искать дом выше.

Он сел и долго рассматривал карту, не замечая, что держит её за край слишком крепко.

Так думать было легче, чем вспоминать слова Фостера. Дом, книги, деньги, дорога – всё это поддавалось устройству. Существовало множество неудобств, но каждое имело какое-нибудь решение. Он мог отказаться от части имущества, пережить ссору с родными, остаться за границей. Не был привязан к единственному месту и давно научился начинать заново.

Кэролайн предстояло оставить мужа.

Роберт отодвинул карту. Всякий раз, когда доходил до этого, мысль словно упиралась в стену. Он представлял объяснение с Чарльзом и не находил ни одного слова, которое не звучало бы низко. Благодарность за гостеприимство, дружеские разговоры, старое судёнышко под стеклом – всё становилось частью обмана, если он продолжал приезжать с прежним видом.

Но если она сама хотела его видеть? Если пыталась понять, способен ли он предложить ей что-нибудь, кроме тайного чувства?

Он поднялся и прошёлся по комнате. Ему нужно было услышать её. Понять без догадок. Уверенность, возникшая на вечере, то возвращалась с прежней силой, то рассыпалась от одного воспоминания о том, как она обернулась на голос мужа.

К вечеру он написал знакомому за океан. Спросил о торговом деле, в котором прежде участвовал, о положении дома, когда-то предлагавшегося внаём. Письмо выглядело вполне деловым. Только в последней строке Роберт попросил сообщить, можно ли будет устроиться там надолго, если он решит приехать не один.

Он перечитал эту строку и оставил её.

* * *

Книгу он увидел случайно. Зашёл по другому делу, заметил знакомый рисунок на раскрытой странице и попросил показать том. Иллюстрации были хороши: листья можно было отличить друг от друга без объяснений, а возле корней стояли маленькие обозначения, которые Кэролайн наверняка сумела бы прочесть.

Роберт вспомнил её список растений и купил книгу.

Упакованная в бумагу, она лежала на сиденье экипажа всю дорогу. Он понимал, что мог послать её с запиской. Но ему хотелось увидеть, как Кэролайн раскроет страницы. Оправдание показалось достаточно невинным, и он не стал искать другого.

В Брук-Хаусе Чарльза не оказалось. Слуга сказал, что хозяин уехал к соседям, но миссис Уитмор дома. Роберт велел доложить.

Она приняла его в гостиной. На столе стояла ваза с только что срезанными цветами, рядом лежали ножницы. Кэролайн держала в руке длинный стебель и, увидев гостя, положила его на край блюда.

– Простите за беспорядок. Я не ожидала никого в этот час.

– Я помешал?

– Нет. Только Чарльз вернётся позднее.

– Мне сказали.

Роберт подал книгу. Она посмотрела на свёрток, затем на него.

– Вы привезли что-то мужу?

– Вам.

Кэролайн развязала бечёвку. На первой странице задержалась, потом перевернула ещё несколько листов. В её лице появилось знакомое сосредоточенное выражение. Роберт почувствовал удовольствие, острое и почти детское: он угадал.

– Очень красиво, – сказала она. – Я видела похожий том, но здесь гораздо больше рисунков.

– Я подумал, что он вам пригодится.

– Благодарю вас. Но не следовало тратиться.

– Мне было приятно.

Она подняла голову. Он услышал, как слишком лично прозвучал ответ, и всё же не поправился. Ему хотелось, чтобы она поняла.

Кэролайн закрыла книгу и положила её рядом с цветами.

– Чарльз тоже будет вам благодарен. Я заставляю его разбирать мои названия и потом спорю, когда он читает их неправильно.

Роберт улыбнулся, хотя имя мужа опять стало между ними. Она предложила ему сесть, позвала слугу и вернулась к цветам.

Он расспрашивал о саде. Кэролайн отвечала охотно, но теперь не задерживалась возле его кресла, показывая ветки и листья, как делала прежде. Когда он поднимался помочь с тяжёлой вазой, она уже успевала отнести её на другой стол. Их разговор всё время оказывался разделён каким-нибудь делом.

Позднее Роберт вспомнит эту перемену с удивительной ясностью. Сейчас ему казалось, что она слишком хорошо заметила его намерение и не знает, как отнестись к нему.

Он спросил, гуляла ли она сегодня.

– Утром. До дождя.

– Вы ходите одна?

– Иногда. Иногда с Чарльзом.

– В следующий раз я мог бы составить вам компанию.

Она опустила ножницы.

– Если вы приедете к нам на день, мы, конечно, пройдёмся вместе.

– Я спрашивал не о Чарльзе.

Тишина после этих слов оказалась совсем короткой. Кэролайн взяла со стола сухую ветку и положила в корзину.

– Я поняла ваш вопрос, мистер Эшфорд. Но мы привыкли договариваться о прогулках заранее.

Она сказала это спокойно, почти буднично. Роберт почувствовал, что должен отступить, и заговорил о погоде. Несколько минут они беседовали так, словно неловкости не возникло, затем он поднялся.

Кэролайн поблагодарила за книгу ещё раз. При этом улыбнулась – вежливо, сдержанно. Он уехал, пытаясь вспомнить, когда именно исчезла прежняя лёгкость.

* * *

Через несколько дней они встретились у соседей Мортона. Роберт не знал, что Уитморы приглашены, и всё же, войдя в гостиную, прежде всего поискал Кэролайн. Она стояла возле мужа, слушая рассказ хозяйки. Чарльз заметил его первым и поманил рукой.

Роберт подошёл. Кэролайн поздоровалась приветливо, но не продолжила их прежнего разговора. Почти сразу хозяйка увела её к другим дамам. Чарльз рассказал о предстоящей поездке в Лондон и спросил, не понадобится ли Роберту что-нибудь передать.

– Я сам буду там в пятницу.

– Тогда, может быть, увидимся. Я надеюсь закончить всё к вечеру. Мортон просит поговорить ещё с одним человеком, но мне хотелось бы вернуться пораньше.

– Дела идут хорошо?

– Кажется, да. Иногда мне трудно поспеть за всеми подробностями. Генри говорит, что со временем привыкну, а я всё ещё боюсь что-нибудь упустить.

– Ты всегда можешь спросить.

– Я спрашиваю. К несчастью для Генри.

Чарльз рассмеялся. Роберт улыбнулся ему в ответ и увидел, как Кэролайн на другом конце комнаты оглянулась на смех мужа. Взгляд прошёл по лицу Роберта, задержался совсем ненадолго и вернулся к собеседнице.

Он вдруг почувствовал усталость. Ему приходилось следить за каждым своим движением. Разговаривая с Чарльзом, он думал о ней; поймав её взгляд, немедленно пытался решить, что он значит. Раньше он мог просто прожить день, занятый тем, что происходило, а теперь любое дело оказывалось ожиданием следующей встречи.

После обеда гости вышли в сад. Кэролайн шла рядом с хозяйкой, остановилась у низкой ограды, чтобы посмотреть на цветы. Роберт дождался, когда другие немного отойдут, и подошёл.

– Вам понравилась книга?

– Да, благодарю вас. Я уже нашла несколько нужных рисунков.

– Я мог бы привезти ещё один том, если…

– Пожалуйста, не нужно.

Он замолчал. Она повернулась к нему полностью.

– Вы сделали хороший подарок. Но мне было бы неловко принимать следующий.

– Я не хотел поставить вас в неловкое положение.

– Тогда не будем больше об этом.

В её голосе не было ни смущённого удовольствия, ни того колебания, которое он искал. Роберт посмотрел на руку, лежавшую на ограде. Она сняла одну перчатку и держала её другой рукой. Ему захотелось коснуться обнажённых пальцев с такой силой, что он отвёл глаза.

– Кэролайн…

Она чуть выпрямилась.

Он впервые произнёс её имя без фамилии, обращаясь прямо к ней. Прежде имя звучало в разговорах с Чарльзом, но сейчас оставило совсем другое ощущение. Он услышал его сам – и понял, что уже не сможет говорить о книге.

– Мне нужно с вами поговорить.

– Если это касается того, о чём вы говорили у нас дома, я уже ответила.

– Вы ответили о прогулке.

– Я отвечала на ваш вопрос.

Она говорила тихо, чтобы не привлекать внимания. Роберт тоже понизил голос.

– Я хочу понять, правильно ли понял вас прежде.

Кэролайн нахмурилась.

– Прежде?

Он вспомнил игру, её улыбку, листок в своей руке. Здесь, под открытым небом, среди шагов и чужих разговоров, сослаться на те слова показалось почти невозможным. Они могли прозвучать нелепо, если произнести их без того, что он чувствовал тогда.

– На вечере, – сказал он всё же. – У вас.

Она посмотрела на него внимательнее. В следующую секунду за их спинами послышался голос хозяйки, звавшей Кэролайн посмотреть на старую яблоню. Она обернулась, ответила, что сейчас подойдёт, затем снова взглянула на Роберта.

– Мистер Эшфорд, я прошу вас оставить этот разговор.

Она ушла прежде, чем он успел возразить. Он остался возле ограды, понимая, что последние слова были сказаны вполне ясно. Но смысл всего происходившего не помещался у него в голове. Если она не чувствовала ничего, почему ему казалось иначе? Неужели он сумел выстроить такую надежду из обыкновенной приветливости?

На обратном пути Роберт несколько раз велел кучеру ехать быстрее и всякий раз спустя минуту забывал о дороге. Мысль о Чарльзе теперь вызывала особенно тяжёлое чувство. Он видел бы со стороны человека, который настойчиво ищет чужую жену, и едва ли принял бы от него объяснение о серьёзности намерений. Однако собственное желание оставалось настолько настоящим, что ему трудно было допустить полное одиночество в нём.

Он не отправил второго подарка. Спрятал купленную для себя карту в ящик и на два дня занялся работой с такой яростью, что к вечеру болела голова. На третий поймал себя на том, что перечитывает старое письмо Чарльза, где внизу была приписка Кэролайн.

Она просила вернуть книгу. Всего лишь книгу.

Роберт сложил письмо и тут же развернул снова. Ему казалось, что он обязан хотя бы однажды объяснить всё без случайных свидетелей, недомолвок и возможности уйти к другому разговору. Он готов был говорить о тяжести решения, о времени, которое понадобится, о том, что не предлагает ей зависеть от мимолётного чувства. Кэролайн могла бояться скандала, жалеть Чарльза, сомневаться в самом Роберте. На всё это он мог ответить честно.

Ему не приходило в голову, как тяжело будет услышать, что её вообще не занимают эти вопросы.

Вечером Джон принёс несколько писем. Роберт просмотрел адреса и отложил одно, написанное знакомой рукой: ответ из порта, куда он прежде собирался ехать. Ему напоминали о сроках. Он должен был либо подтвердить участие, либо позволить найти другого человека.

– Напишите, что я отказываюсь, – сказал Роберт, затем забрал письмо у камердинера. – Нет. Я сам.

Джон подождал, не понадобится ли ещё что-нибудь.

– И узнайте, можно ли будет завтра взять тех же лошадей.

– Для поездки в Брук-Хаус, сэр?

Роберт поднял глаза.

– Да.

– Я распоряжусь.

В голосе Джона ничего не изменилось. Именно это спокойствие заставило Роберта почувствовать раздражение. Он уже привык, что камердинер понимает приготовления прежде, чем получает приказ, но сейчас собственная предсказуемость оказалась неприятна.

Когда дверь закрылась, Роберт вернулся к столу и долго сидел над отказом. Потом написал несколько ясных строк, объяснив, что вынужден остаться в Англии по личным обстоятельствам. Это была правда. Он не мог сейчас уехать, не услышав её ответа.

На следующее утро ему сообщили, что миссис Уитмор не принимает.

Роберт стоял в передней знакомого дома с перчатками в руке. Слуга повторил извинение хозяйки. В глубине коридора прошла девушка с корзиной белья, открылась и закрылась дверь. Дом продолжал жить своей обычной жизнью, а он внезапно оказался человеком, которому не следовало здесь находиться.

– Передайте, что я заеду в другой день, – сказал он.

Выходя, он заметил в окне гостиной цветы, которые Кэролайн расставляла при нём. Ваза стояла на прежнем месте. Роберт невольно замедлил шаг и сразу рассердился на себя за эту задержку.

Он сел в экипаж, не оглянувшись снова.

Глава пятая

Закрытая дверь

Кэролайн услышала экипаж, когда перебирала рисунки для переплётчика. Чарльз давно собирался заказать папку, в которой листы не мялись бы по краям. Самому ему всё время недоставало то лент, то подходящей бумаги, а потом он начинал жалеть, что работы окажутся спрятаны и их неудобно будет рассматривать. Она предложила выбрать хотя бы те, которые он не хотел больше переделывать.

Теперь рисунки лежали перед ней на двух стульях. За стеной прошли шаги; слуга назвал мистера Эшфорда.

– Я сегодня не принимаю, – сказала Кэролайн.

Он поклонился и вышел. Она осталась стоять с листом в руке. На нём была мельница, возле которой они гуляли весной. Чарльз изобразил кривую калитку, высокую траву, кусок дороги. Вверху слева сохранилась попытка нарисовать ветку, от которой он потом отказался.

Ей было неприятно ждать, пока за дверью повторят её отказ. Роберт не обязан был знать, что она дома, но наверняка узнает: в передней видели её шляпу, садовник мог сказать, что хозяйка только что вернулась. Кэролайн рассердилась на собственную мысль. Почему ей вообще нужно рассчитывать, что он поймёт из чужих слов? Она попросила оставить разговор. Этого должно было хватить.

Экипаж не сразу отъехал. Она прислушалась и тут же заставила себя вернуться к рисункам.

Когда внизу наконец стало тихо, Кэролайн обнаружила, что положила мельницу не в ту стопку. Этот лист Чарльз ещё хотел переделать. Она переложила его, села и посмотрела на свои руки. Пальцы крепко держали край бумаги.

Ей нравился Роберт. В этом теперь заключалась особенно досадная часть происходящего. Она могла говорить с ним без приготовления, спрашивать о том, чего не знала, возражать и получать ответ, после которого хотелось продолжить разговор. Ещё совсем недавно радовалась его приездам вместе с Чарльзом. Даже подарок сперва вызвал удовольствие: он запомнил, что ей нужно, нашёл хорошую книгу. И только потом по тому, как он смотрел на неё, стало ясно, какое значение для него имеет благодарность.

Кэролайн вспомнила, как он произнёс её имя возле ограды. Не громко, не фамильярно в обычном смысле. Но в голосе прозвучало право на близость, которого она ему не давала. С тех пор саму возможность остаться с ним наедине приходилось обдумывать заранее.

Она не желала обсуждать это с Чарльзом. Мужу было бы больно; затем он непременно счёл бы необходимым что-то предпринять. Достаточно представить, как он смотрит на родственника, чтобы понять, насколько далеко разойдутся последствия одного признания. Пока всё ещё можно было закончить без такого разговора.

Кэролайн встала и позвала слугу. Сказала, что некоторое время будет принимать только по предварительной договорённости. Слова прозвучали несколько официально для собственного дома, и она добавила, что о приезде близких друзей ей, конечно, следует докладывать.

Слуга снова поклонился. Он не спросил, относится ли мистер Эшфорд к близким друзьям. Кэролайн была благодарна за это, но позднее поняла: распоряжение всё равно оставляло слишком много места для чужих решений.

Через некоторое время в дверь постучали. Принесли карточку женщины, жившей неподалёку: та заехала спросить, можно ли на неделю одолжить несколько книг. Слуга держал карточку с таким видом, словно сам ожидал объяснения, зачем его снова послали к хозяйке.

Кэролайн отложила рисунок.

– Конечно, я приму её. Попросите в гостиную.

Она провела с соседкой четверть часа, выбрала два тома и пообещала зайти на следующей неделе. Разговор оказался приятным. У женщины была больная сестра; книги помогали занять длинные вечера. Кэролайн слушала рассказ о том, как та сперва отказывается читать, а потом не позволяет закрыть том, пока глава не закончится, и впервые за утро смеялась без усилия.

Проводив гостью, она задержалась в передней. Слуга забирал чашки. Кэролайн попросила подождать.

– Я недостаточно ясно объяснила утреннее распоряжение. Если ко мне приезжают по обычному делу, нужно доложить, как прежде.

– Слушаю, мэм.

Он не поднял головы, но она поняла, что опять оставила ему необходимость угадывать.

– Мистера Эшфорда прошу не приглашать в комнаты без моего согласия.

Сказать имя оказалось тяжелее, чем установить общее правило. Зато теперь правило относилось к определённому человеку, а не ко всем, кого ему придётся оценивать у двери.

– Если он спросит, когда вам будет удобно, мэм?

– Передайте, что я сама сообщу. И пожалуйста, не говорите, будто меня нет, если я дома.

– Разумеется.

Он поставил чашки на поднос и вышел. Кэролайн осталась возле стола с карточками. Ей не хотелось заставлять слуг отвечать за чужую настойчивость, но и самой всякий раз выходить для отказа значило делать ровно то, чего добивался гость. Теперь оставалось надеяться, что прямые слова, переданные без придуманного объяснения, будут поняты.

Она вернулась к работе. Среди рисунков нашлась тонкая полоска бумаги с её собственными пометками: когда-то Чарльз хотел заказать краски и попросил записать названия. Кэролайн разгладила полоску, положила в отдельную коробку для мелочей и поняла, что слишком долго стояла, не замечая усталости. Села у окна, взяла последний лист. На этот раз ей удалось внимательно рассмотреть изображённое, не прислушиваясь к передней.

* * *

За обедом Чарльз спросил, заходил ли Роберт. Кэролайн подняла глаза от тарелки.

– Мне сказали, что его лошадей видели у поворота, – пояснил он. – Я надеялся застать его здесь.

– Он приезжал. Я была занята и не приняла.

Это была правда. Она выбрала именно ту её часть, которую могла произнести спокойно.

– Жаль. Я хотел показать ему письмо от торговца. Он знает этого человека.

– Ты можешь написать.

– Конечно. Но мне проще спросить, когда вижу перед собой. Если напишу, он может ответить на два вопроса из трёх.

Кэролайн попыталась улыбнуться. Муж заметил, что у неё усталый вид, и сразу предложил отложить вечерний визит к соседям. Она отказалась. Ей не хотелось менять свои планы из-за приезда, которого не должно было случиться.

Потом Чарльз принялся рассказывать о переплётчике: тот мог приехать на следующей неделе, если удастся заранее договориться о цене. Кэролайн объяснила, какие рисунки отложила. Муж удивился, что среди них нет вида мельницы.

– Ты говорил, что переделаешь ветку.

– Я всякий раз так говорю. Ты могла не слушать.

– В следующий раз напиши список того, в чём мне следует тебе верить.

Он рассмеялся и потянулся через стол, чтобы коснуться её руки. Кэролайн сжала его пальцы. Ей захотелось, чтобы день закончился таким же обычным разговором, без необходи-

мости что-либо объяснять или скрывать. Чарльз убрал руку, потому что слуга принёс блюдо, и попросил оставить ему последний кусок. Она обещала подумать.

Вечером у соседей Роберта не было. Кэролайн испытала облегчение и только после этого поняла, как внимательно оглядела гостиную, входя. Она не хотела привыкать искать его среди гостей прежде, чем поздоровается с хозяйкой.

Её спросили о книге с растениями. Пришлось рассказать, что мистер Эшфорд нашёл хороший том в Лондоне. Кто-то заметил, что путешественники порой удивительно хорошо помнят домашние надобности. Кэролайн ответила, что книга действительно пригодилась, и заговорила о другом. Невинный вопрос заставил её напрячься сильнее, чем следовало.

На обратном пути Чарльз задремал. Она сидела рядом, слушала дыхание мужа и постепенно успокаивалась. В темноте можно было перестать следить за лицом. Домой они вернулись поздно; Чарльз, проснувшись, стал уверять, что вовсе не спал и слышал всё, что она говорила. Кэролайн сообщила, что не произнесла ни слова.

Он признал поражение, взял её под руку, и остаток вечера она почти не думала о Роберте.

* * *

Через два дня тот приехал снова. Кэролайн была в саду с Энн, выбирала место для пересадки куста и услышала лошадей за деревьями. Прятаться было нелепо. Она продолжила разговор с садовником, но несколько раз потеряла нить и в конце концов попросила его повторить объяснение.

Из дома вышел слуга. Роберт просил передать, что ему нужно поговорить, когда хозяйке будет удобно.

– Я сегодня занята, – сказала Кэролайн. – Пусть мистер Эшфорд напишет, если дело не может ждать.

Слуга ушёл. Она заметила, что Энн отвела взгляд к кусту, о котором давно уже никто не говорил. Кэролайн закончила распоряжения и вернулась в дом. В передней ещё стоял Роберт. Он не пошёл ей навстречу, но выпрямился, увидев её.

– Простите, я как раз собирался уезжать.

Кэролайн остановилась. Садовая шляпа была у неё в руке; пришлось удерживать её за ленты, чтобы не смять поля.

– Мне передали вашу просьбу.

– Я не хотел снова помешать. Мне нужны несколько минут.

– Я уже сказала, что не могу вас принять.

Он посмотрел на неё с таким напряжением, что ей стало неприятно оставаться посреди передней. Слуга ждал у двери, Энн стояла на ступень ниже. Роберт тоже заметил их присутствие и понизил голос.

– Тогда назовите день.

Кэролайн почувствовала, как к лицу приливает жар. Любой ответ превращал отказ в обсуждение условий встречи.

– Если у вас есть дело к Чарльзу, он будет дома завтра.

– Это касается вас.

– Я понимаю. Но сейчас мне нечего добавить к тому, что вы уже слышали.

Она прошла к лестнице. Роберт посторонился сразу, без движения, которое могло бы задержать её. Это помогло сохранить спокойствие. На верхней площадке Кэролайн услышала, как он благодарит слугу за вызванный экипаж. Голос был обычным, только тише.

В комнате она положила шляпу на стол. Энн занялась лентами, сняла прилипший к подолу сухой лист. Кэролайн ждала вопроса. Его не последовало.

– Я не просила его оставаться, – сказала она наконец.

– Разумеется, мэм.

– Внизу могли не так понять.

– Я думаю, вас поняли.

Энн говорила осторожно. Кэролайн посмотрела на неё через зеркало и увидела серьёзное лицо. Камеристка уже знала достаточно, чтобы понимать больше, чем ей хотелось.

– Если он приедет ещё раз, мне не нужно будет спускаться, – сказала Кэролайн.

– Я напомню.

Это короткое обещание принесло облегчение, за которое Кэролайн сердито упрекнула себя. Она была хозяйкой дома. Могла отказаться от встречи без помощи, могла сказать нужное прямо. Однако именно теперь ей особенно хотелось, чтобы кто-то избавил её от очередного объяснения.

* * *

Энн встретила Джона Райта на кухонном дворе, когда возвращалась от прачки. Он стоял возле колеса экипажа и разговаривал с конюхом. Увидев её, снял шляпу.

– Добрый день, мисс Миллер.

Она ответила, собираясь пройти мимо. Ей не хотелось разговаривать с человеком, который мог совершенно невинно спросить о хозяйке. Джон подвинулся, освобождая узкую дорожку между стеной и экипажем.

– Не знаете, хозяин уже уехал? – спросил он.

Энн остановилась.

– Ваш?

– Да. Я привёз бумаги мистеру Уитмору, а мистер Эшфорд собирался встретить меня здесь.

– В доме его нет.

Джон кивнул и посмотрел в сторону ворот. Он не стал спрашивать, принимала ли миссис Уитмор. Энн всё же осталось неприятно, будто вопрос просто не произнесли вслух.

– Если ваш хозяин хочет видеть мистера Уитмора, лучше договариваться заранее.

– Я передам, если потребуется.

– Я говорю потому, что сегодня мистер Уитмор занят.

– Понимаю.

Его спокойствие раздражало. Можно было подумать, что он готов терпеливо выслушать от неё всё, что угодно, а потом вернуться к собственным делам. Энн перехватила корзину другой рукой.

– Я не уверена, что понимаете.

Джон посмотрел внимательнее. Улыбки на его лице больше не было.

– В таком случае вам следовало бы сказать яснее. Но я не думаю, что нам стоит здесь обсуждать визиты господ.

Он произнёс это без высокомерия, и всё же Энн почувствовала себя девочкой, решившейся на замечание не тому человеку. Она сама не хотела такого разговора. Просто последние дни видела, как миссис Уитмор прислушивается к каждому экипажу и меняет планы, услышав имя гостя.

– Я и не обсуждаю, – ответила она. – Только передаю, что сегодня принимать не будут.

– Благодарю.

Джон снова надел шляпу. Энн пошла к дому, сердясь уже больше на себя. У ступеней корзина зацепилась ручкой за край перил. Она дёрнула слишком резко, изнутри выпала чистая наволочка. Джон оказался рядом прежде, чем она успела поставить корзину. Поднял ткань, стряхнул пыль с наружного сгиба и протянул ей.

– Кажется, не испачкалась.

– Благодарю.

Он не прибавил ничего. Даже не воспользовался возможностью пошутить, хотя Энн заранее ждала этого. Она забрала наволочку и поднялась в дом, решив в следующий раз ограничиться приветствием.

* * *

Письмо Роберта пришло утром. Кэролайн узнала почерк и сразу отложила конверт в сторону. Чарльз заметил движение, но был занят собственными бумагами.

– Что-нибудь неприятное?

– Надеюсь, нет.

Он не стал расспрашивать. Кэролайн почувствовала укол совести за эту лёгкость доверия. Муж не обязан был интересоваться каждым письмом, чтобы она вела себя честно. И всё же ей хотелось, чтобы конверта вовсе не было.

Она открыла его у себя. Роберт просил позволить объясниться. Писал, что понимает неудобство своего положения, но не считает возможным оставить её с неверным представлением о его намерениях. Ему нужно было знать, правильно ли он понял некоторые прежние слова. В письме не было прямого признания. Оно словно предполагало, что главное уже известно обоим и остаётся лишь договориться, когда можно произнести это вслух.

Кэролайн села у окна. Теперь особенно ясно вспомнился разговор возле ограды: он говорил о вечере у них дома. О каком именно? Она перебрала несколько встреч и остановилась на игре. Роберт разгадал её неудачную шараду. Она обрадовалась, сказала что-то о взаимном понимании. Это и могло стать причиной.

Ей понадобилось усилие, чтобы не начать судить каждую собственную улыбку. Она не обещала ему ничего. Принимала гостя мужа, разговаривала, смеялась. Если теперь любое приятное слово следовало пересмотреть как возможное признание, общаться с людьми стало бы невозможно.

Но он, очевидно, придавал тому вечеру огромное значение. Отсюда настойчивость, которую сам считал необходимостью добиться ясности. Кэролайн поняла это и одновременно рассердилась сильнее: ясность уже была. Он просто не желал принять её в тех словах, какими она пыталась обойтись.

Она начала ответ, написала «Мистер Эшфорд» и остановилась. Можно было письменно потребовать прекратить визиты. Но письмо позволило бы ему снова решить, что она говорит только часть, что чего-то боится, что при встрече удастся всё изменить. Она устала от необходимости угадывать его следующий довод.

Кэролайн сложила лист. Нужно было поговорить самой.

День она провела с Чарльзом. Он предложил осмотреть починенную дорожку, и они пошли через сад к реке. Муж говорил о письме, полученном из Лондона, потом принялся сердиться на плохо поставленную скамью. Кэролайн слушала рассеянно. Ей было тяжело заранее знать, что завтра, пока он занимается делами, она будет объяснять другому мужчине свою любовь к нему.

У воды Чарльз остановился, чтобы поправить ей шаль. Она сама не заметила, как та соскользнула с плеча.

– Ты всё-таки чем-то обеспокоена.

Кэролайн посмотрела на него. Он не требовал ответа, но ждал, готовый слушать. Ещё можно было рассказать и передать ему всё неприятное дело. Тогда не пришлось бы думать, какой голос будет у Роберта и как он посмотрит после отказа.

– Я должна закончить один разговор, – ответила она. – И не очень хочу его начинать.

– Тебе нужна моя помощь?

– Нет. Я справлюсь.

Чарльз кивнул. Потом взял её за руку и предложил ещё немного пройти, пока не пришлось возвращаться к письмам. Они пошли рядом. Кэролайн ощутила его пальцы сквозь перчатку и впервые за день перестала подбирать слова для завтрашней встречи.

* * *

Вечером она написала Роберту. Назвала день и час, попросила приехать без промедления и сообщить, если он не сможет. Никакого объяснения причин не добавила.

Затем позвала Энн и сказала, что мистер Эшфорд будет принят в малой гостиной.

– Только он, мэм?

– Да. Я сама его пригласила.

Камеристка кивнула. Кэролайн могла бы на этом закончить, но ей захотелось сказать ещё несколько слов человеку, который видел достаточно, чтобы беспокоиться.

– После этого, надеюсь, больше не придётся отказывать ему у двери.

Энн посмотрела на неё через зеркало.

– Вам что-нибудь приготовить?

– Нет. Просто проследи, чтобы нам не мешали.

Когда камеристка вышла, Кэролайн спустилась в гостиную. Здесь не было ничего, что требовало подготовки. Стулья стояли как обычно, на столике лежала книга, возле окна осталась её работа. Она перенесла пяльцы в другое место и тут же поняла, что занимается пустяками, чтобы не идти спать.

Книгу о растениях Роберт подарил ей всего несколько недель назад. Она взяла том с полки, перелистала до знакомого рисунка и закрыла. Возвращать подарок значило придать ему слишком большое значение; оставлять на виду – невольно напоминать об обиде. Кэролайн поставила его среди остальных книг. Он был полезен, и она не собиралась впредь бояться пользоваться им.

Рядом лежал список, по которому садовник должен был сделать заказ. Кэролайн проверила названия и исправила одно, прежде переписанное по памяти. Это было маленькое дело, которое она могла закончить сейчас. Завтра придётся говорить о вещах, гораздо менее удобных для исправления. Но по крайней мере она больше не станет ждать, пока её поймут без ясных слов.

Из кабинета позвал Чарльз: он нашёл рисунок, который искал всё утро. Кэролайн пошла к нему. Муж сидел за столом в расстёгнутом сюртуке и держал лист так осторожно, словно мог помять его даже взглядом.

– Ты оказалась права. Он лежал в другой папке.

– Я рада, что ты всё-таки посмотрел.

Она наклонилась рядом с ним. На листе была та самая мельница, только ветка теперь исчезла, и открывшаяся дорога казалась шире. Чарльз спросил, стоит ли оставить так. Кэролайн сказала, что стоит. Он снова посмотрел на рисунок, довольный, и потянулся за чистой бумагой.

Некоторое время она сидела рядом, придерживая край папки. Потом пожелала ему доброй ночи и поднялась наверх. Завтрашний разговор предстояло закончить так, чтобы ни один из них больше не мог сомневаться в сказанном.

Глава шестая

Последний разговор

Утром Кэролайн была спокойнее, чем накануне. Она уже решила, что скажет, и теперь оставалось дождаться назначенного часа. Чарльз собирался к Мортону. За завтраком пожаловался на необходимость проводить прекрасный день над расчётами, потом спросил, не хочет ли она поехать с ним: сад в Элм-Лодже стоило посмотреть, пока ещё цвели поздние розы.

– Сегодня не могу. Я назначила встречу.

– Тогда в другой раз. Только напомни мне, что я сам предложил, а то я опять скажу, что там нечего делать.

Она улыбнулась. Муж допил чай, поцеловал её в висок и ушёл. Кэролайн ещё некоторое время сидела за столом. На скатерти возле его чашки лежала хлебная крошка; она смахнула её в тарелку и встала.

В малой гостиной было слишком тепло. Кэролайн попросила приоткрыть окно, потом подумала, что голоса будет слышно снаружи, и сама прикрыла створку. Это раздражало: она уже придавала будущему разговору вид, которого хотела избежать. Говорить предстояло о необходимости прекратить непрошеные ухаживания. Никакой тайной встречи для этого не требовалось.

Роберт приехал вовремя. Она услышала, как в передней принимают его шляпу, и в последний раз попыталась представить, что он сам начнёт с извинения. Тогда можно будет подтвердить, что всё осталось в прошлом, и отпустить его без дальнейшего объяснения.

Он вошёл с напряжённым, внимательным лицом. Поздоровался, поблагодарил за приглашение. Кэролайн указала на кресло напротив. Сама села, чтобы не приходилось смотреть на него снизу вверх.

– Мне нужно поговорить о ваших визитах, мистер Эшфорд.

Он едва заметно подался вперёд.

– Я понимаю. Потому и просил позволить объясниться.

– Прежде выслушайте меня, пожалуйста. Ваше внимание ставит меня в неприятное положение. Я пыталась дать вам это понять, но, очевидно, выражалась недостаточно ясно.

Роберт нахмурился.

– Я не хотел, чтобы вы чувствовали себя обязанной…

– Дело не в обязанности. Я не желаю ваших ухаживаний и прошу прекратить их.

Она произнесла заготовленные слова без повышения голоса. Они прозвучали жёстче, чем представлялось вечером, однако теперь не хотелось смягчать их поспешным добавлением. Роберт молчал. С улицы донёсся стук: где-то во дворе уронили деревянную вещь.

– Вы полагаете, я искал лёгкого развлечения? – спросил он.

Кэролайн почувствовала досаду. Даже сейчас он отвечал на вопрос, которого она не задавала.

– Я не знаю, чего вы искали. И прошу вас поверить, что это не изменит моего ответа.

– Мне всё же необходимо сказать. Я отношусь к вам серьёзно. Гораздо серьёзнее, чем сумел показать.

– Для меня ваше поведение и без того достаточно серьёзно, чтобы потребовать этого разговора.

Он отвёл взгляд. На мгновение ей показалось, что услышал. Потом Роберт снова посмотрел прямо на неё.

– Я понимаю, что вы замужем. Знаю, что пришлось бы оставить и чем рисковать. Но я не предлагаю вам тайных встреч, за которыми ничего не последует. Если бы вы согласились уехать, я сумел бы всё устроить.

Кэролайн не сразу нашла слова. До этой минуты речь шла о нежелательном внимании, о неприятных визитах, о необходимости напомнить приличия. Теперь выяснялось, что он успел представить куда больше.

– Вы уже думали об этом?

– Да.

Он ответил тихо, без вызова. Она посмотрела на его руки. Правая лежала на подлокотнике; пальцы чуть согнулись, словно он удерживал что-то невидимое.

– И что же вы предполагали? Что я уеду с вами, оставив мужа?

– Я предполагал, что вы… – Роберт остановился. – Если бы ваши чувства были такими же, как мои, мы нашли бы возможность жить вместе.

– Мои чувства совсем иные.

Он выпрямился, как от толчка. Кэролайн заметила это и заставила себя продолжить.

– Я люблю Чарльза. Я счастлива с ним. Мне незачем искать другую жизнь, и тем более я не хочу жизни, которую вы предлагаете.

Он долго не отвечал. Ей было тяжело видеть, как меняется его лицо: исчезла уверенность, с которой он начал объяснение, осталась мучительная сосредоточенность человека, старающегося не упустить ни одного слова.

– Тогда я неверно понял вас прежде, – сказал он наконец.

– Да.

– В тот вечер, когда мы играли…

– Я говорила об игре.

– Теперь я понимаю.

Но по тому, как он произнёс это, Кэролайн почувствовала: именно теперь и понимает. Ей стало жалко его – очень остро, почти против воли. Она не ждала, что придётся причинить такую боль. Настойчивые визиты сердили; увидеть источник этой настойчивости оказалось тяжелее.

Однако жалость могла стать ещё одним неверно истолкованным движением. Кэролайн оставила руки неподвижными.

– Мне было приятно ваше общество, – сказала она. – Я считала вас другом нашего дома. Поэтому и разговаривала свободно. Но ничего другого я не имела в виду.

Роберт опустил голову. Он смотрел на ковёр между креслами. Кэролайн знала рисунок: тёмная ветка уходила от края к середине, где нити уже слегка вытерлись. Впервые за всё утро ей захотелось встать и уйти из комнаты. Разговор можно было считать оконченным, но оставить его вот так она не могла.

– Вы позволите мне спросить ещё об одном? – произнёс он.

Она насторожилась.

– О чём?

– Я хочу знать, понимаете ли вы… Нет. Простите.

Он провёл ладонью по колену, будто стряхивая пыль, и резко выдохнул. Следующие слова дались с явным усилием:

– Я опять собирался объяснять то, что для вас ничего не меняет.

Кэролайн промолчала. В этом признании впервые не было попытки повернуть разговор к другой возможности.

– Вы были достаточно ясны, – продолжил он. – Мне следовало услышать вас раньше. Когда вы отказались от прогулки. И после, в саду.

– Мне бы хотелось, чтобы вы услышали сейчас.

Он поднял глаза.

– Я услышал.

Она кивнула. От облегчения вдруг стало трудно сидеть прямо. Кэролайн не позволила себе откинуться на спинку.

– Я больше не буду искать встречи с вами, – сказал Роберт. – И не стану писать. Прошу простить, что вынудил вас говорить это.

– Благодарю.

Ответ показался холодным. Но обещать, что они вскоре снова смогут общаться как прежде, она не имела права даже из доброты. Роберт встал, и она поднялась вслед за ним. Он был совсем рядом, однако между ними сохранялось расстояние, которого теперь оба старались не нарушить.

У двери он остановился.

– Чарльз знает?

Кэролайн посмотрела на него внимательнее.

– Нет.

– Я не прошу вас…

– Я понимаю. Это моё решение.

Он склонил голову. На этом они простились.

Кэролайн осталась стоять, пока за ним не закрылась дверь. Потом села на прежнее место. Тишина была такой полной, что слышалось, как в соседней комнате двигают чашку на подносе.

Он намеревался увезти её. Искал дом, возможно, продумывал дорогу, говорил себе, что она однажды решится. Ей было трудно вместить в памяти этого человека и гостя, который весной починил модель судна и смеялся над рассказами Чарльза. Всё принадлежало одному Роберту. Она не могла назвать его намерения пустыми и потому не могла отделаться обычным раздражением на неуместную любезность.

Кэролайн закрыла глаза. Главное было сказано. Она не отвечала за то, сколько времени понадобится ему, чтобы принять отказ. Могла лишь надеяться, что он сдержит слово.

Когда Энн заглянула в комнату, Кэролайн попросила чаю. Время обеда ещё не наступило, но есть хотелось так сильно, будто она с утра ничего не ела. Камеристка принесла хлеб, масло и немного холодного мяса. Кэролайн посмотрела на поднос и неожиданно для себя улыбнулась.

– Откуда ты знала?

– Вы почти не позавтракали, мэм.

Она поблагодарила. Энн поправила занавеску у раскрытого окна и подождала, не понадобится ли ещё чего-нибудь. Кэролайн почувствовала, что та не решается спросить, и сама сказала:

– Он больше не станет приезжать без приглашения.

Камеристка кивнула, не выражая ни торжества, ни сомнения. Теперь действительно можно было оставить её одну.

Кэролайн ела медленно. За окном слышались голоса; у стены прошёл слуга с пустой корзиной, потом вернулся с полной. В комнату проникал тёплый воздух. Обычные вещи понемногу возвращали её к дню, который не должен был целиком принадлежать этому разговору.

Когда приехал Чарльз, она встретила его в передней. Он пожаловался, что задержался, и спросил, удалось ли закончить неприятное дело.

– Да. Надеюсь, больше к нему не придётся возвращаться.

– Тогда я вовремя. Предлагаю до обеда ничего не обсуждать и дать мне воды.

Она взяла у него шляпу. Чарльз стянул перчатки, взял её за руку и потянул за собой в гостиную. Здесь всё уже стояло на прежних местах; поднос убрали, стул отодвинули к стене.

Муж рассказывал о переписчике, который сумел в одном имени сделать две ошибки. Кэролайн слушала и постепенно перестала замечать кресло, в котором недавно сидел Роберт. Когда Чарльз дошёл до смешной части истории, она рассмеялась.

Позднее ей стало немного стыдно за то, как легко вернулся смех. Но она не хотела отдавать чужой ошибке то, что принадлежало им с мужем. Вечером они долго сидели вместе, разбирая рисунки; Кэролайн подала ему забытый карандаш и позволила дню закончиться.

* * *

На дороге Роберт попросил остановить экипаж. Кучер оглянулся, ожидая, не потребуется ли вернуться за забытой вещью. Роберт сказал, что хочет пройти немного пешком, и указал, где подождать.

Он шёл быстро, почти не замечая подъёма. Земля была твёрдой, с трещинами у обочины; в канаве лежали сухие листья. Ветер трогал разогретое лицо. Через несколько минут пришлось замедлиться: дышать стало трудно, и дело было не в ходьбе.

Кэролайн любила мужа. Она сказала это так просто, словно объясняла очевидное человеку, который почему-то решил не замечать.

Он и замечал. Видел руку Чарльза на её плече, слышал, как она оборачивается на голос мужа, как смеётся над шуткой, понятной только им двоим. Каждое наблюдение заставлял служить другому объяснению. Привязанность могла сохраниться, говорилось ему; привычки меняются медленно; женщина способна бояться признаться даже себе. Сколько понимания он приписал себе, пока отказывался поверить в её собственное.

Роберт остановился возле ограды. Отсюда не было видно Брук-Хауса. Он не хотел видеть его и всё же мучительно чувствовал, что мог бы вернуться за несколько минут.

Возвращаться было некуда.

Она не колебалась между ним и Чарльзом. Не выбирала, каким способом оставить дом. Она занималась садом, ждала мужа к обеду, принимала гостей. Пока он придумывал для неё другую жизнь, её собственная продолжалась, и ему там отводилось место приятного знакомого. Это место он уничтожил сам.

Роберт положил ладони на верхнюю перекладину. Дерево было шершавым, нагретым с одной стороны. Он несколько раз глубоко вдохнул и заставил себя отойти. Кучер ждал дальше по дороге.

Дома Джон доложил о письме Фостера. Роберт не стал читать. Прошёл к столу, открыл ящик, достал карту и положил поверх остальных бумаг. На сгибе остался след большого пальца, которым он разглаживал её вчера.

– Мы уезжаем, – сказал он.

Джон ждал продолжения.

– Я сообщу маршрут завтра. Сегодня начните собирать то, что не понадобится здесь. С Фостером я встречусь в Лондоне. Комнаты можно будет оставить до конца оплаченного срока.

– Всё отправлять за границу, сэр?

– Нет. Книги пока останутся у хранителя.

Он говорил ровно. С каждым распоряжением становилось немного легче, потому что дело не требовало надежды. Нужно было проверить замки, рассчитаться, отослать одежду. Вещи не меняли значения в зависимости от того, как на них посмотреть.

Джон вышел, и Роберт сел за ответ человеку, которому писал о доме за океаном. Предыдущее послание, вероятно, ещё было в дороге. Он сообщил, что обстоятельства изменились и что просьбу о долгой аренде следует считать отменённой. Несколько секунд смотрел на эту фразу. Потом дописал, что прежние деловые связи надеется сохранить.

Роберт не знал, куда поедет. Важно было не требовать немедленно от нового места того, чего оно дать не могло. В Лиссабоне оставались люди и дела. Можно было начать с них.

Вечером он наконец прочёл записку Фостера и ответил на вопросы. Затем написал Чарльзу. Сообщил, что вынужден уехать, и попросил позволить проститься перед дорогой. Не обещал скорого возвращения.

К ночи пришло приглашение на следующий день. Чарльз сожалел о неожиданном решении и хотел услышать всё лично. Внизу приписал, что Кэролайн собирается навестить знакомую, но он сам будет дома после трёх.

Роберт прочёл эту приписку несколько раз. Она не желала новой встречи, и в этом было достаточно милосердия для них обоих.

* * *

На следующий день Чарльз вышел ему навстречу с письмом в руке.

– Ты серьёзно уезжаешь? Я думал, мы договорились, что ты хотя бы проведёшь здесь осень.

– Я не давал такого обещания.

– Ты всегда находишь, чего не обещал. Что случилось?

Роберт снял перчатки. Чарльз ждал ответа без подозрения, с той естественной настойчивостью, которой пользовался только с близкими.

– Мне нужно заняться делами за границей. Я слишком долго откладывал.

– Они не могут подождать ещё неделю?

– Лучше уехать сейчас.

Чарльз вздохнул, но провёл его в кабинет. На столе лежали бумаги и раскрытая папка. Родственник предложил вина, потом сам передумал и велел принести холодной воды: день был жарким.

– Кэролайн просила выбрать рисунки. Я никак не могу решить, какие оставить отдельно. Ты что скажешь?

Роберт посмотрел на листы. Там были река, мельница, знакомое дерево. Он узнал место, где они стояли вместе весной, и заставил себя перевести взгляд на другой рисунок.

– Этот стоит сохранить.

– Именно его она и выбрала. Теперь мне придётся признать, что она права.

Чарльз положил лист сверху и улыбнулся. Роберт отпил воды. Ему хотелось, чтобы визит закончился, и было стыдно за это желание. Человек напротив не сделал ничего, что позволило бы отгородиться от него раздражением.

Они обсудили дорогу. Чарльз расспрашивал, сколько времени займёт переправа, где можно будет писать, не понадобится ли отправить ему что-нибудь из Англии. Роберт назвал адрес, через который письма смогут найти его. Попросил не рассчитывать на быстрые ответы: маршрут ещё мог измениться.

– Я привык, – сказал Чарльз. – Но на этот раз ты хотя бы предупреждаешь.

Он спросил совета о знакомом торговце. Роберт ответил, попросил показать полученное письмо и некоторое время внимательно читал. Здесь он мог быть полезен. Объяснил, что одна формулировка требует уточнения, и написал рядом вопрос, который следовало задать.

– Благодарю, – произнёс Чарльз. – Видишь, поэтому и не хочется тебя отпускать. Ты возвращаешься, всё становится проще, а потом опять исчезаешь.

Роберт отложил перо.

– У тебя есть люди, которые разбираются лучше.

– Генри разбирается. Но иногда мне нужен человек, который не участвовал в деле с самого начала. И который скажет, если вопрос глупый.

– Вопрос не глупый.

Чарльз удовлетворённо кивнул. Потом заметил, что Роберт почти не притронулся к воде, и предложил пройтись до крыльца: в комнате становилось душно. Они вышли вместе.

Снаружи ветер шевелил листья. У ступеней стоял экипаж, возле колеса ждал Джон. Чарльз задержался, положив ладонь родственнику на плечо.

– Береги себя. И напиши, когда доедешь.

Роберт встретился с ним взглядом.

– Постараюсь.

– Опять это слово. Напиши.

– Напишу.

Чарльз пожал ему руку и обнял коротко, крепко, без неловкости. Роберт успел только ответить. Затем спустился, сел в экипаж и приказал ехать. Он не обернулся, пока деревья не закрыли дом.

В снятых комнатах уже стояли собранные сундуки. Джон оставил снаружи только одежду на ближайшие дни и письменные принадлежности. Роберт проверил отправляемые бумаги, подписал последний счёт. Внизу хозяин жилья что-то объяснял работнику; обычный шум казался неправдоподобно далёким.

Утром они выехали в Лондон. Фостер принял его на следующий день и первым делом спросил, следует ли готовить деньги к переводу или речь опять идёт о предварительных намерениях. Роберт ответил, что уезжает определённо.

Поверенный придвинул к себе чистый лист.

– И надолго?

– Пока не знаю.

– В таком случае часть распоряжений придётся оставить на моё усмотрение.

Роберт согласился. Прежде сама возможность этого раздражала: слишком многое решали без него, пока он находился далеко. Теперь он понимал, что людям требуются ответы, а не его предположения о собственном возвращении.

Они разобрали несколько дел. Нужно было продлить одно соглашение, подтвердить расходы управляющего и решить, стоит ли продолжать ремонт дома до зимы. Фостер назвал сумму. Роберт по привычке начал возражать, потом попросил показать расчёт.

В перечне стояла починка окна в комнате, которую он мысленно уже отдавал Кэролайн. Там утром было светло. Он думал, что ей понравится вид на сад, прежде чем понял, что никакого сада ей здесь не предлагает. Всё смешивалось: дальний дом, английские комнаты, дороги, по которым она могла бы гулять. Каждый предмет успел получить назначение без её участия.

– Здесь можно отложить, – сказал Фостер, заметив, на чём остановился его взгляд. – Если в комнате никто не живёт.

– Нет. Сделайте сейчас. Потом будет дороже.

Поверенный записал распоряжение. Ему было достаточно практической причины. Роберт испытал облегчение: незачем превращать каждое окно в свидетельство того, что произошло.

Закончив, он сообщил адреса, по которым письма смогут найти его в ближайшие месяцы. Фостер перепроверил названия, спросил, кому можно доверять получение денег. Роберт ответил подробно, хотя раньше счёл бы часть вопросов излишней.

– Вы не передумали насчёт прежней консультации? – осторожно спросил поверенный, закрывая папку.

Роберт понял сразу. На мгновение захотелось ответить так, чтобы больше никто никогда не касался этого разговора. Однако Фостер спрашивал по делу: ему могли понадобиться дополнительные действия.

– Ничего не потребуется. Тот вопрос закрыт.

– Хорошо.

Никакого удивления или удовлетворения в голосе не было. Поверенный поднялся и пожелал благополучной дороги. Роберт поблагодарил его за терпение. Это заставило Фостера посмотреть внимательнее, но расспрашивать он не стал.

В комнатах Джон проверял список вещей. Одна из книг не находилась: её записали в отправляемые, а Роберт ещё читал её накануне. Они искали вместе, пока не обнаружили на

подоконнике за занавеской. Джон раскрыл сундук, потом остановился, заметив, как хозяин смотрит на пустые полки.

– Эту тоже оставить здесь, сэр?

– Нет, возьму.

Роберт протянул том. На секунду их руки встретились над крышкой; камердинер подхватил книгу, чтобы она не упала. Это маленькое, совершенно обычное движение почему-то помогло. Не все вокруг требовали от него объяснения. Рядом оставался человек, который знал, как укладывать вещи, и готов был продолжать работу.

– Мы сначала отправимся к берегу, – сказал Роберт. – Затем в Португалию. Там я закончу то, что оставил весной.

– Я узнал, где можно взять места.

– Разумеется, узнали.

Джон чуть улыбнулся.

– Вы велели готовиться к отъезду, сэр.

Роберт кивнул. Он хотел поблагодарить ещё за что-то, но не сумел назвать. Вместо этого взял список и сам проверил последние строки.

Роберт проснулся прежде камердинера, но не стал звать. Оделся сам, подошёл к окну, затем вернулся за оставленной на столе вещью. Это был маленький камень, которым он прижимал письма. Он положил его в дорожный ларец и закрыл крышку.

Джон вошёл с водой и, увидев готового хозяина, поставил кувшин у двери. Спросил, завтракать ли здесь или в дороге.

– Здесь, – ответил Роберт. – Торопиться больше незачем.

Глава седьмая

Обещанное возвращение

В сентябре Чарльз дважды забыл о назначенных визитах и однажды уехал в Лондон, оставив на столе уже запечатанное письмо. Кэролайн заметила это потому, что сама принесла ему сургуч. Вернувшись к обеду на следующий день, он первым делом спросил, где конверт, и рассердился на себя с такой силой, что она даже удивилась.

– Ты мог отправить его завтра.

– Мог бы. Если бы не обещал, что оно будет там сегодня.

Он сунул письмо в карман, потом вынул и посмотрел на адрес. Кэролайн ждала, что он объяснит, кому пишет, но Чарльз спросил, не осталось ли чего-нибудь поесть. Она позвала слугу. Когда принесли холодное мясо и хлеб, муж ел с аппетитом человека, который с утра не успел позавтракать.

– Это опять дела мистера Мортона? – спросила она.

– Наши дела. В этом и затруднение.

– Тогда, может быть, мне следует знать, что произошло?

Чарльз отложил нож. На щеке у него осталось крошечное пятнышко горчицы; ей захотелось стереть его, как она делала, когда они были одни за завтраком. Но он говорил серьёзно, и она удержалась.

– Я пока сам не понимаю. В счетах есть несоответствия. Мне говорят, что всё объясняется расходами и задержкой писем, однако суммы всё равно не сходятся. Я хочу посмотреть бумаги.

– Тебе их не показывают?

– Показывают. Просто нужная всякий раз оказывается в другом месте.

Он попытался улыбнуться и, заметив её выражение, покачал головой.

– Кэролайн, я не собираюсь ничего от тебя скрывать. Но если начну сейчас перечислять цифры, придётся сначала самому понять, какие из них верны.

– Я не прошу перечислять цифры. Я спрашиваю, есть ли причина тревожиться.

Он подумал, прежде чем ответить, и это ей понравилось больше поспешного уверения.

– Есть причина разобраться. Я надеюсь сделать это прежде, чем появится причина тревожиться.

Она передала ему салфетку и показала на щёку. Чарльз вытер не с той стороны; тогда она сама коснулась пятнышка краем ткани. Он поймал её руку и прижал губами к пальцам.

– А теперь расскажи, что я пропустил.

Она рассказала о споре садовника с кухаркой из-за яблок. Чарльз слушал внимательно и даже предложил решение, которое устроило бы всех, кроме садовника. Но когда в передней хлопнула дверь, он сразу повернул голову.

В следующие недели Кэролайн привыкла к этому движению. Не к рассеянности мужа – он по-прежнему помнил, что она сказала за завтраком, замечал новую ленту, откладывал работу, когда она входила. Он просто ждал чего-то извне: человека, письма, ответа, который позволил бы наконец перестать ждать.

Мортон приезжал часто. Однажды Кэролайн застала обоих в кабинете. Чарльз стоял у стола, а старший друг сидел, положив ладони на набалдашник трости.

– Я понимаю, почему ты недоволен, – говорил Мортон. – Однако предположение нельзя принимать за установленное обстоятельство.

Чарльз увидел её и замолчал. Она принесла приглашение соседей, требовавшее ответа до вечера. Мортон поднялся, взял лист, подал ей упавшую перчатку и спросил о прогулках. Отвечая, Кэролайн вдруг ощутила себя посторонней в комнате мужа.

Позже она сказала об этом Чарльзу.

– Я не хотел, чтобы ты так подумала.

– Я знаю. Но мне трудно входить, если при моём появлении все замолкают.

Он положил руки ей на плечи.

– Тогда в следующий раз я продолжу. И ты пожалеешь о своей просьбе, потому что речь пойдёт о расходах на хранение тканей.

– Я готова подвергнуться этому испытанию.

Чарльз улыбнулся, однако вечером сам рассказал ей о намерении съездить во Францию. На несколько недель, не дольше. В Марселе жил человек, способный ответить на вопросы, которые здесь приходилось задавать письменно. Встретиться было бы быстрее.

Кэролайн прежде всего подумала о дороге. Она спросила, когда он собирается и с кем поедет. Чарльз объяснил, что часть пути проделает с торговым знакомым, потом воспользуется почтовыми экипажами; тяжёлого багажа не будет. Ему хотелось выехать вскоре, пока погода ещё позволяла рассчитывать на удобную переправу.

– А мистер Мортон?

– У него здесь дела. И нет необходимости ехать вдвоём.

Она собиралась предложить свою компанию, но он опередил её:

– Ты возненавидишь меня к третьему дню. Я буду торопиться и беспрерывно менять планы.

– Я умею ходить быстро.

– В этом я никогда не сомневался. Но там придётся больше сидеть.

Они обсудили, куда можно было бы съездить вместе весной. Кэролайн достала карту, и деловой разговор мало-помалу превратился в выбор мест, для которых у них пока не было ни времени, ни определённого намерения. Чарльз заявил, что хочет увидеть настоящие горы. Она спросила, не начнёт ли он жаловаться на подъём. Он ответил, что непременно начнёт, но это не должно мешать ей восхищаться пейзажем.

В день отъезда один ремень на его дорожной сумке оказался надорван. Чарльз сердился, потому что велел проверить вещи заранее, а потом сам же задерживал всех, разыскивая маленькую записную книжку. Кэролайн нашла её среди рисунков.

– Зачем ты положил её сюда?

– Чтобы не забыть.

Она раскрыла книжку. На первой странице была нарисована собака, спавшая под скамьёй; дальше шли цифры и несколько адресов.

– Теперь я понимаю, почему ты так долго собираешься.

– Мне придётся ехать одному. Кто же станет следить, чтобы я не пропустил ничего достойного изображения?

Она вложила книжку в карман его сюртука и разгладила отворот. Чарльз обнял её. Он торопился, в передней ждали, но не отступил сразу и поцеловал её ещё раз, уже медленнее.

– Я напишу из Парижа.

– И не забудь поесть, прежде чем начнёшь рисовать.

– Ты разговариваешь со мной, как с ребёнком.

– Иногда ты даёшь основания.

Он рассмеялся. У экипажа обернулся, чтобы спросить, что привезти ей. Кэролайн подумала о книге с видами, которую они недавно видели у знакомых.

– Только не покупай первую, которую предложат. Посмотри, чтобы рисунки были хорошие.

Чарльз приложил ладонь к груди, будто она нанесла ему обиду.

– Ты поручаешь мне выбрать рисунки и ещё находишь нужным предупредить.

Она стояла на ступенях, пока экипаж не скрылся за деревьями. Было прохладно. Кэролайн вернулась в дом, велела подать себе завтрак и вспомнила, что обещала зайти к жене викария. Надо было послать записку: после утренних сборов она уже не успевала к назначенному часу.

В передней осталась щётка, которой Чарльз наспех провёл по шляпе. Кэролайн убрала её в ящик и проверила, не забыл ли он перчатки. На обычном месте их не было. Значит, взял. Теперь можно было перестать заниматься сборами и вернуться к собственным делам. Она даже испытала удовольствие от свободного утра: никто больше не позовёт из кабинета, чтобы попросить найти вещь, лежащую перед самыми глазами. За завтраком она решила, что вечером начнёт книгу, которую уже дважды откладывала ради гостей.

* * *

Письмо из Парижа пришло позже, чем она ожидала. Чарльз жаловался на тесноту в экипаже и хвалил ужин, которым закончил день. Внизу он набросал профиль попутчика с чрезвычайно выступающим носом. Кэролайн показала рисунок Энн, но текст оставила при себе. Муж писал, что скучает по дому, потом зачеркнул последнее слово и поставил над ним её имя.

Она перечитала эту строку перед сном.

Из Марселя пришло другое письмо – короче. Чарльз был занят, обещал скоро закончить дела, сообщал о жаре и о том, что обещанной книги пока не купил. Он не называл точного дня возвращения. Кэролайн ответила, что в саду сняли последние яблоки и что она распорядилась отремонтировать ворота без его участия, потому что ждать ещё месяц значило бы вовсе остаться без ворот. Затем добавила: «Когда вернёшься, непременно найдёшь, что следовало сделать иначе. Я согласна выслушать тебя, если ты возьмёшься за это сам».

Запечатывая письмо, она улыбалась.

Октябрь принёс сырую погоду. Кэролайн стала реже уходить далеко от дома: возвращаться с прогулки в пустую гостиную было неприятнее, чем проводить там весь день. Она сердилась на себя за эту слабость и однажды всё-таки прошла до мельницы. По дороге обратно думала, что Чарльзу надо будет заказать более тёплый дорожный плащ. Старый он считал вполне пригодным, но у ворота ткань уже протёрлась.

Вечером приехал Мортон.

Она услышала экипаж и поднялась прежде, чем слуга успел доложить. Первое движение было совершенно радостным: Чарльз мог вернуться раньше письма. Потом шаги в передней оказались медленнее, и вошёл Мортон, не снимая перчаток.

– Вы получили известия? – спросила она.

Он посмотрел на стоявший возле неё стул.

– Кэролайн, сядьте, прошу вас.

Она осталась стоять. Впоследствии ей казалось странным, что она запомнила перчатки: на большом пальце одной кожа потемнела от влаги. Всё остальное в первые мгновения ускользнуло. Мортон говорил о дороге, о происшествии, о человеке, которого послали за врачом. Она пыталась соединить слова и всякий раз возвращалась к началу.

– Он ранен?

Мортон снял перчатки.

– Мне очень жаль.

– Но где он?

Он назвал место. Чарльз переправился во Франции на судно, добрался до английского берега и ехал дальше в лёгком экипаже. Лошадь понесла на трудном участке дороги. Когда его нашли, помочь уже было нельзя.

Кэролайн слушала и думала, что ехать нужно сейчас. Она могла взять Энн, велеть подать дорожный экипаж. Если Мортон не знал, как сказать, насколько плохо дело, следовало избавить его от этого труда и самой увидеть мужа.

– Сколько отсюда? – спросила она.

– Вам не нужно туда ехать. Всё уже устроено.

– Я спрашиваю, сколько времени займёт дорога.

Он подошёл ближе. Теперь она заметила за его плечом Энн, хотя не слышала, как та вошла. Камеристка держала шаль. Это показалось невыносимым: они оба знали, что ей потребуется шаль, раньше, чем она сама узнала, что произошло.

– Я хочу к нему, – сказала Кэролайн.

Голос прозвучал достаточно уверенно, и на мгновение ей стало легче. Она ещё могла чего-то хотеть и добиваться исполнения. Мортон ответил, что Чарльза привезут домой, что он всё распорядился сделать. Он говорил тихо, без поспешности. Энн накинула ей шаль на плечи.

Тогда Кэролайн села.

Ей понадобилось несколько минут, чтобы задать следующий вопрос. Она хотела знать, был ли кто-нибудь рядом с ним. Мортон сказал, что его нашли скоро. Она спросила ещё раз, иначе: успел ли он что-нибудь сказать?

Ответ был отрицательным.

Она опустила глаза на свои руки. На указательном пальце осталась полоска чернил от письма, написанного днём. Кэролайн потёрла её большим пальцем. След не исчезал.

* * *

Потом в доме всё время кто-то ходил. Двери открывались осторожно, однако от этого каждый звук становился заметнее. Говорили тише обычного. Переставляли стулья. Однажды Кэролайн проснулась утром и несколько мгновений сердилась, что Чарльз опять встал, не разбудив её.

Тело привезли на следующий день. Она настояла, чтобы её впустили к мужу. Энн хотела остаться рядом, но Кэролайн попросила подождать за дверью.

У него была повреждена одна сторона лица. Она смотрела на другую – на знакомый висок, линию брови, короткие волосы возле уха. Ей казалось, что, если рассматривать достаточно внимательно, непременно найдётся движение. Чарльз никогда не лежал так неподвижно. Даже во сне он поворачивался, хмурился, протягивал руку к краю постели.

Она коснулась его пальцев. Этого оказалось достаточно, чтобы понять то, чего не позволяли понять слова Мортона. Руку она всё же не отпустила сразу.

Плакать при нём не получилось. Слёзы пришли позже, когда ей принесли его вещи. Среди них не было книги с видами, которую он обещал. Зато нашлись перочинный нож, несколько монет и чистый носовой платок. Кэролайн раскрыла его на коленях и вдруг подумала, что никто больше не отдаст этот платок в стирку. Эта нелепая, маленькая мысль причинила такую боль, что она согнулась, прижав ткань ко рту.

Она не помнила, сколько времени просидела так. Когда подняла голову, Энн стояла у окна, отвернувшись, чтобы не мешать ей. Кэролайн позвала её по имени. Камеристка сразу подошла.

– Его записная книжка была там?

Энн сказала, что посмотрит. Книжки среди вещей не оказалось.

За обедом Кэролайн смогла проглотить только несколько ложек бульона. Всё имело слишком сильный запах. Она попросила унести еду, потом рассердилась на Энн за то, что та осталась стоять у стола. Через минуту позвала обратно и извинилась.

– Не надо, мэм.

– Надо. Ты ничего не сделала.

Энн села возле неё, хотя раньше никогда не садилась в этой комнате без приглашения. Кэролайн заметила это и была благодарна, что ей не пришлось просить.

Мортон приезжал каждый день. Объяснял, какие письма требуют её подписи, какие могут подождать. Уводил посетителей, принимал решения, о которых она пока не могла думать. Когда приехала двоюродная сестра Чарльза, именно он встретил её и предупредил, что Кэролайн не следует расспрашивать. Это избавило её от рассказа, который и без того беспрерывно повторялся у неё в голове.

На третий вечер она спустилась в кабинет. На столе лежали чужие бумаги, кто-то отодвинул чернильницу. Кэролайн переставила её на прежнее место, потом взяла модель судна, которую Роберт починил весной. Она уже почти забыла о нём. Воспоминание было неприятным, но далёким; теперь принадлежало жизни, где ещё можно было считать неприятность большим несчастьем.

Она поставила модель обратно. На стуле висел старый сюртук Чарльза, оставленный до поездки. Кэролайн села, положив руки на потёртый рукав.

Здесь её и нашёл Мортон.

Он не заговорил сразу. Сначала закрыл окно: в комнате гулял холодный воздух, шевеля край бумаги. Потом снял с соседнего кресла плед и укрыл ей колени. Только после этого спросил, желает ли она, чтобы он ушёл.

– Нет, – ответила Кэролайн.

Ей было стыдно, что она не заметила холода, и одновременно страшно хорошо от того, что кто-то заметил за неё. Мортон сел на другом конце стола. Долго ничего не говорил. Она смотрела на лежавший между ними рукав и наконец спросила, получили ли её последнее письмо во Франции.

Он ответил, что выяснит.

Кэролайн кивнула. Она хотела знать, успел ли Чарльз прочесть шутку о воротах. Теперь шутка казалась ей жестокой, хотя она понимала, что в ней не было ничего жестокого. Ей хотелось вернуть письмо, приписать ещё несколько строк, сказать прямо то, о чём в обычной жизни не думалось каждую минуту.

Мортон подвинул к ней стакан воды.

Она взяла его обеими руками. Вода была комнатной температуры. Кэролайн выпила немного, поставила стакан и впервые за эти дни позволила другому человеку остаться с ней в молчании.

* * *

В день похорон с утра было сухо. Энн расправляла складки чёрного платья, а Кэролайн следила за её руками и пыталась вспомнить, надевала ли уже перчатки. Они лежали перед ней на туалетном столике. Она сама положила их туда минуту назад.

– Вы хотите остаться здесь после возвращения, мэм? – спросила Энн. – Или приготовить малую гостиную?

Кэролайн посмотрела на постель.

– Гостиную.

Ей казалось, что она сумеет провести день, если каждое решение будет таким же маленьким. Какую комнату приготовить. Нужна ли шаль. Куда убрать щётку. Стоило подумать о вечере или о следующей неделе, и даже поднять руку становилось трудно.

На лестнице её ждал Мортон. Он предложил руку; Кэролайн оперлась, хотя могла спуститься сама. В передней стояла родственница Чарльза, миссис Уэстон. Она держала большой платок и смотрела на молодую вдову с тем испуганным сочувствием, от которого Кэролайн всякий раз хотелось извиниться.

Дорогу до церкви она помнила отдельными подробностями. Мальчик возле ворот снял шапку. На изгороди сохранились мокрые листья. Один из мужчин, пришедших проводить

Чарльза, хромал и старался, чтобы этого не заметили. Кэролайн захотела спросить, предложили ли ему место в экипаже, но служба уже началась.

Она слушала знакомые слова. Раньше они относились ко всем людям сразу, теперь – к одному человеку, которого она видела за завтраком и знала сердитым из-за плохо очинённого карандаша. Ей было трудно вместить его в торжественное общее обещание. Хотелось вспомнить лицо таким, каким оно бывало, когда он, с трудом скрывая удовольствие, показывал удавшийся рисунок.

У могилы Кэролайн вдруг стало страшно уходить. До этого всё время предстояло ещё какое-то действие: приехать, войти, выслушать. Теперь люди начали двигаться назад, и она поняла, что следующего действия для Чарльза больше не будет. Мортон стоял рядом, не торопя. Она сама шагнула к дорожке только тогда, когда смогла отвести глаза.

Дома говорили о доброте мужа. Вспоминали случаи, которых Кэролайн не знала, и она ловила каждое слово. Один сосед рассказал, как Чарльз однажды вернулся за ним после неудачной охоты, хотя сам промок и замёрз. Другой долго объяснял подробности покупки лошади. Рассказ был запутанным и, вероятно, не слишком интересным для остальных. Кэролайн попросила закончить.

К вечеру гости разъехались. Миссис Уэстон осталась в своей комнате с головной болью. Мортон попрощался, пообещав приехать утром. Кэролайн вышла в коридор и остановилась перед кабинетом.

Внутри было прибрано. Сюртук со стула убрали. Она вошла, открыла ящик стола и нашла небольшую коробку с карандашами. Один лежал отдельно, почти новый, с обкусанным концом. Чарльз уверял, что никогда не делает этого, и каждый раз смеялся, когда она показывала ему следы зубов.

Кэролайн села за стол. Теперь здесь можно было сидеть сколько угодно: никто не войдёт и не попросит освободить край для бумаги. Она взяла чистый лист, потом отложила. Ей не требовалось ничего записывать.

Через некоторое время появилась Энн. В руках у неё был подсвечник.

– Можно поставить здесь?

Кэролайн кивнула.

– Вы ничего не ели с утра, мэм. Я принесла бы хлеба и чаю.

– Хорошо.

Камеристка удивилась такому лёгкому согласию, но промолчала. Пока её не было, Кэролайн закрыла коробку и убрала в ящик. Только один карандаш оставила снаружи. Когда Энн вернулась с подносом, она отодвинула бумаги, освобождая место для чашки.

Глава восьмая

Чужая весть

Лиссабон, февраль 1827 года

Пакет принесли к вечеру, когда Роберт уже собирался уходить. На обёртке было несколько адресов, перечёркнутых разными чернилами. Фостер отправил бумаги в Кадис, оттуда их переслали к человеку, у которого Роберт больше не жил, и теперь пакет наконец догнал его в Лиссабоне. У одного угла бумага протёрлась насквозь.

– Если внутри счёт, – сказал Роберт, принимая его у Джона, – надеюсь, мне не придётся оплачивать все эти путешествия.

– Мистер Фостер мог заранее включить их в сумму, сэр.

Роберт положил перчатки на стол и разрезал бечёвку. Поверенный прислал отчёт о поступлениях с земли, два письма, требовавших подписи, и записку, написанную отдельно. На ней стояла ноябрьская дата.

Первые строки касались ремонта дома. Роберт прочёл их быстро, думая, что опять опоздает к ужину и хозяин непременно обратит на это внимание всех гостей. Потом взгляд остановился на имени Чарльза.

Он вернулся к началу абзаца.

Фостер считал необходимым сообщить о трагической гибели мистера Уитмора в октябре, хотя полагал, что известие, вероятно, уже дошло до адресата другим путём. Дальше говорилось о дорожном происшествии и о похоронах, состоявшихся в Суррее.

Роберт положил лист на стол. Прежде чем снова взять его, поправил край остальных бумаг: под тонкой обёрткой одна страница загнулась и мешала. Движение получилось тщательным, почти бережным.

Чарльз не мог погибнуть в октябре. В конце августа они стояли у экипажа, и он уговаривал Роберта хотя бы написать, куда тот направляется. Просил не исчезать снова. Ему было двадцать восемь лет; он говорил о переделке конюшни и о том, что следующей весной заставит родственника остаться дольше. Между этим разговором и ноябрьским письмом не помещалось ничего окончательного.

– Сэр?

Джон держал сюртук. Роберт поднял голову.

– Отправьте извинение мистеру Аллену. Я сегодня не приду.

– Вы нездоровы?

– Нет. Умер Чарльз Уитмор.

Произнести оказалось хуже, чем прочитать. Он встал, хотя не собирался никуда идти. Джон опустил сюртук на спинку стула.

– Когда?

– В октябре. Это письмо давно должно было прийти.

Камердинер посмотрел на распотрошённый пакет. Роберт увидел, как тот мысленно проследил тот же путь через несколько чужих рук. Однако Джон ничего не сказал о задержке и спросил только, следует ли принести что-нибудь.

– Оставьте меня.

Дверь закрылась. Роберт постоял возле стола, потом снова взял записку. Фостер писал, что вдова остаётся в Брук-Хаусе и что ближайшие друзья помогают ей справиться с делами. Никаких подробностей о Кэролайн не было.

Вдова.

Он успел подумать, что теперь она свободна, раньше, чем осознал, какую мысль допустил. Внутри всё оборвалось. Роберт с силой прижал ладонь к столу и уставился в бумагу, будто можно было заставить строку означать другое.

Чарльз лежал в земле. Кэролайн пережила несколько месяцев, о которых он ничего не знал. А ему понадобилось всего мгновение, чтобы обнаружить в чужой смерти возможность для себя.

Он отодвинул стул так резко, что тот ударился о стену.

Из окна было видно часть улицы и свет в лавке напротив. Мужчина в фартуке закрывал ставни, долго возясь с нижним засовом. Роберт смотрел, как тот приседает, встаёт, проверяет крепление, и не мог заставить себя отвернуться. Работа имела начало и конец. Человек закончит её, погасит свет, отправится домой. Чарльз тоже собирался домой.

Роберт вернулся к столу и прочёл письмо в третий раз.

* * *

Утром он ушёл до завтрака. Спустился к воде, где уже работали грузчики, и долго шёл вдоль причалов. От мокрых канатов пахло пенькой, у стены валялись осколки разбитого ящика. Здесь было достаточно шума, чтобы не слышать собственных шагов.

Роберт пытался вспомнить последний разговор с Чарльзом целиком. В памяти оставались отдельные слова и собственное нетерпение. Ему хотелось скорее уехать. Чарльз задерживал, задавал вопросы, предлагал взять в дорогу какие-то вещи. Роберт отвечал скупо, потому что ещё слышал голос Кэролайн и не мог взглянуть на мужа без мучительного стыда.

Чарльз принял это за огорчение из-за необходимости расстаться. Он был так уверен в расположении родственника, что ни разу не усомнился в причине его мрачности.

Теперь Роберт не мог даже попросить у него прощения за холодное прощание, не касаясь того, чего Чарльз никогда не узнал. Исправить можно было многое, пока существовала возможность следующей встречи. Этой возможности больше не было.

У выхода с причала знакомый моряк окликнул его по имени. Роберт остановился. Человек хотел напомнить об условленной встрече: у него возникло затруднение с деньгами за проданные доли груза, и Роберт обещал поговорить с покупателем.

– Я помню, – ответил он.

Он не помнил. Но пойти следовало сейчас.

В конторе оказалось душно. Покупатель сперва долго искал бумаги, потом принялся объяснять, что товар прибыл с повреждениями и потому полный расчёт невозможен. Моряк сердился и перебивал. Роберт попросил показать опись, установил, к чему относится вычет, и выяснил, что сумма удержана дважды. Это было достаточно простое дело; понадобились терпение и возможность прочесть то, что другой предпочёл бы объяснить устно.

Когда они вышли, моряк благодарил так горячо, будто Роберт сделал нечто особенное.

– Я мог подождать до завтра, – добавил он, наконец разглядев его лицо. – Вы сами не свой.

– Не нужно было ждать.

Роберт отказался от приглашения выпить и пошёл дальше. Двадцать минут он занимался понятным чужим затруднением, и на эти двадцать минут жизнь снова приобрела обычное устройство. Теперь улица казалась слишком яркой. Он вошёл в тень и остановился, чтобы пропустить экипаж.

Кэролайн, должно быть, тоже приходится отвечать на вопросы, выбирать еду, слушать объяснения людей, которым что-то нужно. Он представил её за столом в гостиной. У стены стояло кресло Чарльза. Она непременно оставила его на месте.

Эта мысль была уже иной. В ней не было надежды. Роберт почувствовал, как трудно ей должно быть поднимать глаза от работы и всякий раз видеть пустое кресло.

Он вернулся домой к полудню. Джон не стал спрашивать, где он был. На столе стояли хлеб, яйца и кофейник, укрытый тканью. Роберт сел, но чашку придвинул к себе не сразу.

– Когда ближайшее судно в Англию?

– Я узнавал утром. Одно собирается выйти через несколько дней, если позволит ветер. Есть и другое, позднее.

Роберт кивнул. Джон ждал распоряжения.

– Пока не договаривайтесь.

– Хорошо, сэр.

– У нас остаются незавершённые дела.

Это было верно. Следовало разобраться с вложениями, ради которых он задержался здесь, получить документы, рассчитаться за жильё. Всё можно было закончить за неделю. Он назвал себе две.

* * *

Письмо Кэролайн он начал тем же вечером.

Написал обращение, выразил соболезнование и остановился. Получалось холодно, будто речь шла о человеке, с которым он несколько раз обедал. Он взял другой лист и попытался вспомнить Чарльза мальчиком. Тот боялся, что Роберт уедет без него к морю, и спрятал его дорожные перчатки. История могла бы заставить её улыбнуться. Но, написав половину, Роберт понял, что описывает собственную роль в чужом детстве.

Он разорвал лист.

На третьем сумел сказать лишь то, что знал наверняка: Чарльз был дорог ему, известие пришло поздно, и он глубоко сожалеет о своём отсутствии. Приписал, что готов помочь, если когда-нибудь потребуется помощь. Прочёл и увидел предложение, которым мог навязать себя под видом заботы.

Роберт отложил перо. Нельзя было просить её теперь ещё и отвечать на его сдержанное послание, решать, какие слова позволительны, вспоминать объяснение перед его отъездом. Она однажды вполне определённо сказала, чего хочет от него. Смерть мужа не отменяла этого разговора.

Он написал Фостеру. Попросил сообщить всё, что известно о происшествии, и, если представится уместный случай, передать его соболезнование семье. Затем сел перед незапечатанным конвертом и долго смотрел на подпись.

У себя в дорожном ларце он хранил несколько старых писем. Большинство касалось дел; два были от Чарльза. В одном родственник рассказывал о женитьбе и настойчиво требовал приехать. Роберт тогда ответил поздно. Сначала предполагал попасть в Англию к зиме, потом маршрут изменился, затем нашлись новые причины задержаться.

Он достал письмо. Бумага была сложена неаккуратно, на последней странице чернила слегка расплылись. Чарльз писал, что Кэролайн непременно понравится ему, потому что умеет слушать и никому не позволяет говорить глупости без возражения. Внизу стояла приписка: «Только не вздумай рассказывать ей, каким я был в четырнадцать лет. Я сам выберу, что она может знать».

Роберт помнил, как смеялся, прочитав это впервые. Теперь на последней строке пришлось остановиться.

Он положил письмо обратно, закрыл ларец и погасил одну из свечей. Вторую оставил. В темноте было бы слишком легко представлять вещи, которых он не видел и никогда уже не сможет проверить: последний час Чарльза, лицо Кэролайн, чужую руку, передавшую ей известие.

* * *

В начале марта Роберт всё-таки пообедал у Алленов. Хозяин принял его без расспросов о пропущенном ужине и посадил рядом с собой. За столом было ещё несколько человек, обсуждали задержку груза и чью-то неудачную покупку. Роберт слушал достаточно внимательно, чтобы отвечать, когда обращались к нему, но почти не вступал в разговор сам.

После обеда двое гостей остались играть. Роберт собирался уйти, когда миссис Аллен попросила его помочь отыскать рисунок в большой папке. Она обещала показать дочери вид английского побережья и помнила, что он когда-то подарил ей этот лист.

– Вероятно, вы имеете в виду рисунок моего родственника, – сказал он.

– Возможно. Вы привезли его вместе с письмами.

Она поставила папку на стол, и Роберт вдруг узнал её потёртый корешок. Несколько лет назад Чарльз послал ему свои работы, попросив отдать одну знакомой женщине, которая любила рисовать. Роберт выбрал морской берег: ему казалось, что он понравится англичанке, давно живущей вдали от дома. Остальные листы остались среди вещей, отправленных в Лондон.

– Вот он, – сказала миссис Аллен.

Вид был неточным. Чарльз слишком увеличил скалы, чтобы оставить на переднем плане больше места для фигур. Две женщины сидели на камнях, мужчина держал шляпу и, судя по наклону тела, безуспешно пытался рассмотреть что-то в воде. Роберт вспомнил день, когда получил письмо. Тогда рисунок показался ему забавным.

– Он умер, – сказал он, не успев придумать другого объяснения своему молчанию. – Осенью. Я узнал недавно.

Миссис Аллен прикоснулась к его рукаву.

– Мне очень жаль. Он был молод?

– Двадцать восемь.

Она посмотрела на лист внимательнее.

– Значит, когда он рисовал это, совсем юноша.

– Да. Он решил, что непременно станет художником. Потом отец сказал, что прежде ему следует научиться складывать расходы.

Роберт услышал собственную улыбку в голосе и замолчал. Ему показалось неприличным рассказывать историю привычным тоном, будто Чарльз мог позднее возразить и поправить подробности. Однако хозяйка продолжала смотреть на рисунок без той тяжёлой осторожности, которой он боялся.

– Он продолжал рисовать?

– Да. Его жена сохраняла даже то, что он сам хотел выбросить.

– Умная женщина.

Роберт осторожно взял лист за края. На обороте сохранилось название места и число, написанные торопливой рукой. Внизу Чарльз начал было выводить ещё какую-то фразу, потом зачеркнул. Было мучительно приятно обнаружить его небрежность здесь, в чужом доме, куда он никогда не приезжал.

– Вы можете взять его, если хотите, – сказала миссис Аллен.

Роберт покачал головой.

– Он предназначался вам.

– Но теперь…

– Оставьте. Прошу вас.

Она не стала настаивать. Вернула рисунок в папку, отделив от остальных чистым листом, и спросила, надолго ли он ещё в Лиссабоне. Роберт ответил, что собирается уехать, и впервые это прозвучало как намерение, а не как возможность.

Домой он шёл медленно. Встреча не утешила его; утешение вообще казалось пока чем-то недостижимым. Но в памяти вернулся Чарльз, каким он бывал до последнего прощания: нетерпеливый, увлечённый, уверенный, что сестра или друг непременно заинтересуются его новой работой. Роберт слишком долго видел только собственную вину рядом с ним. Теперь сумел вспомнить и другое.

У себя он нашёл старый перечень отправленных вещей. В конце значилась папка с рисунками, принятая лондонским хранителем вместе с книгами. Роберт обвёл строку. Возвращаясь, следовало забрать её и передать в Брук-Хаус. Это можно было сделать через Фостера, не тревожа Кэролайн визитом.

К середине марта дела были завершены. Роберт получил причитающиеся средства, проверил бумаги и распорядился отправить часть вещей в Лондон. Он мог уехать в любую неделю, но находил причины переждать ещё несколько дней.

Однажды Джон принёс письмо с предложением места на судне. Хозяин прочитал его, отложил и стал спрашивать о ремонте дорожного сундука.

– Сундук готов, сэр.

– Замок опять заедал.

– Теперь открывается.

Роберт взял бумагу со стола.

– Вы полагаете, мы здесь засиделись?

– Я полагаю, вещи готовы к отъезду. Остальное вам известно лучше.

Он хотел раздражённо ответить, однако камердинер говорил без всякой выразительной осторожности. Просто сообщал о сундуке. Роберт усмехнулся краем рта.

– И всё же вы считаете, что пора.

– В Англии понадобится привести в порядок дом. Вы сами говорили об этом осенью.

Осенью. Роберт тогда строил планы, чтобы иметь чем заняться вдали от Кэролайн. Теперь даже они казались принадлежащими другому человеку.

– Я не знаю, что стану там делать, Райт.

Джон посмотрел на него прямо.

– Для начала можно посмотреть дом.

Это был настолько простой ответ, что Роберт не нашёл возражения. Ему предлагали не решить всю дальнейшую жизнь, а приехать и посмотреть, в каком состоянии крыша. Крыша действительно требовала внимания: Фостер писал об этом второй год.

– Договоритесь о месте, – сказал он. – На нас обоих.

Однако выбранное судно задержалось, а затем пришлось ждать подходящей погоды. Теперь ожидание раздражало. Роберт занялся отъездом с той нетерпеливой точностью, которая обычно помогала ему в дороге: проверил расчёты, написал хозяину жилья, составил перечень отправленных вещей. Джон, получив очередное распоряжение, впервые за долгое время позволил себе замечание, что сундук всё-таки стоило оставить неисправным, раз починка повлекла столько хлопот.

Роберт ответил ему почти обычным тоном.

Накануне отплытия он снова открыл ларец с письмами. Прежде важным казалось оставить их в надёжном месте; теперь непременно хотелось взять с собой. Джон уже перевязал вещи и, увидев, что хозяин достаёт бумаги, молча подал небольшой кожаный чехол.

– Этот не пропустит воду, сэр. Если закрыть как следует.

Роберт вложил туда оба письма Чарльза вместе с документами. Затем вынул и положил сверху, чтобы не разыскивать среди расчётов. Джон придержал крышку ларца, дожидаясь, пока он закончит.

– У вас в Англии кто-нибудь остался, Райт?

– Сестра. Она живёт с мужем в Лондоне.

– Вы предупредили её?

– Написал, что возвращаюсь. Точного дня пока не назвал.

Роберт кивнул. За годы совместных путешествий он привык считать возвращение таким же служебным перемещением Джона, как собственный отъезд. Теперь впервые подумал, что другой человек тоже приезжает к кому-то и может не хотеть опять уезжать через месяц.

– Когда устроимся, навестите её.

– Благодарю, сэр.

Джон закрыл ларец и проверил застёжку. На этот раз Роберт не нашёл ничего, что следовало бы переложить.

* * *

В Лондон они прибыли в мае. В городе пахло мокрым камнем и дымом, на улицах было тесно. Роберт снял комнаты, отправил записку Фостеру и, пока ждал ответа, прошёл пешком больше, чем требовалось для знакомства с окрестностями.

Он знал, что Брук-Хаус находится достаточно близко. Это знание сопровождало каждое деловое решение. Можно было заказать экипаж, добраться за несколько часов, послать карточку. Никто не счёл бы странным визит родственника покойного. Для всех остальных существовали привычные, простые объяснения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.